

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

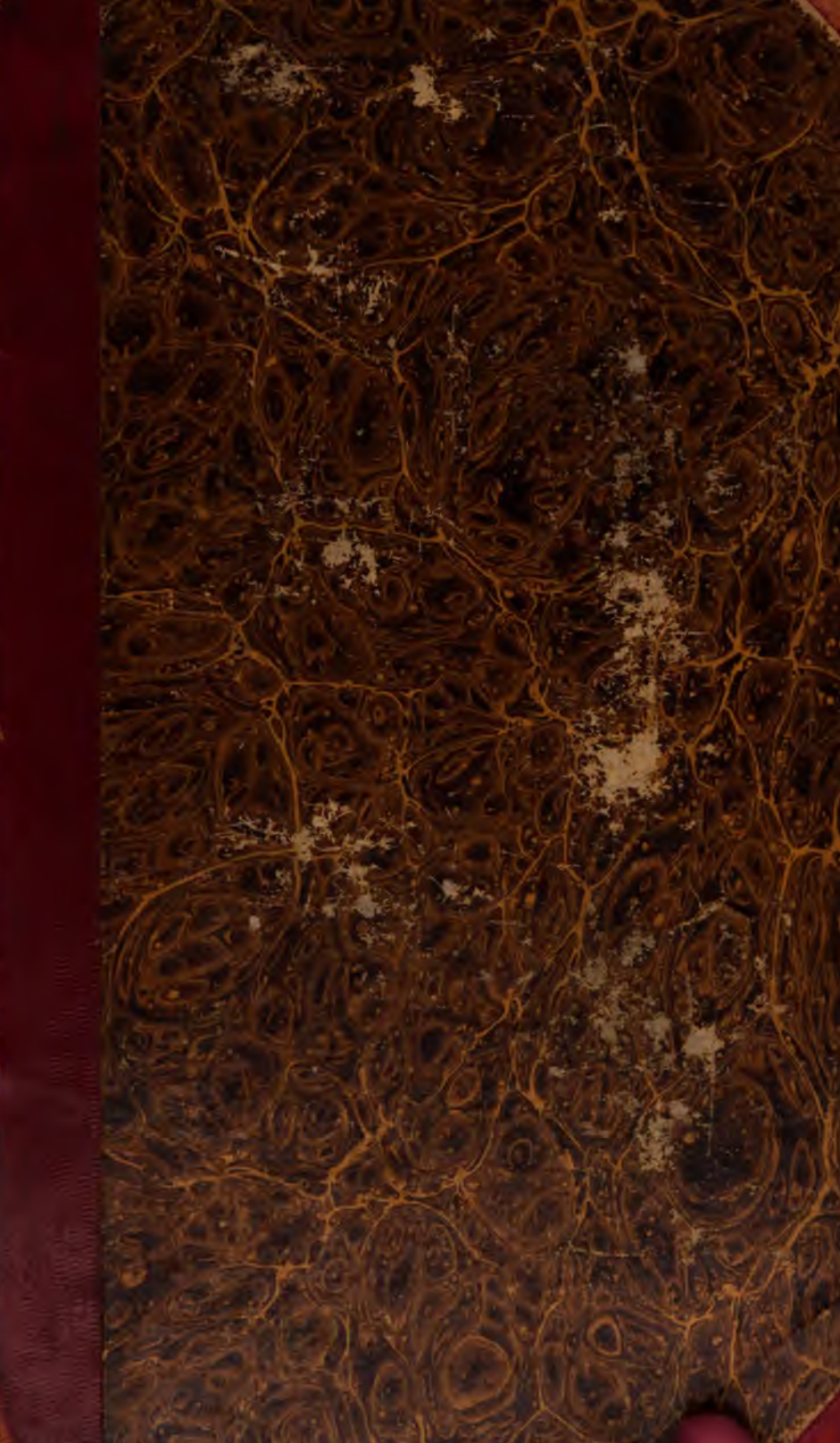
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

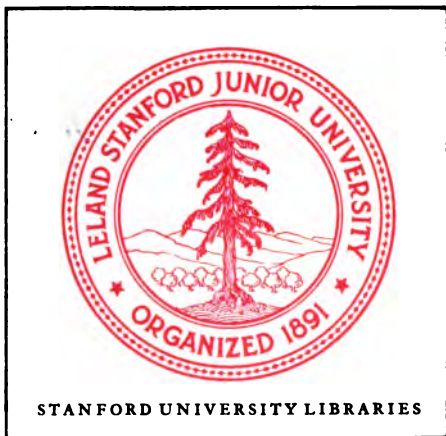
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

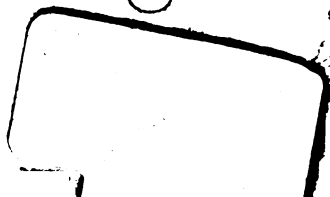
g = index

1-3-17
5

R

J II 838
2ex

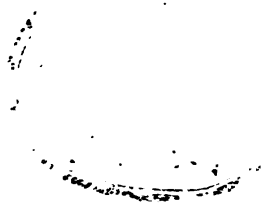

~~5/11 1274~~
~~1906~~

✓

1907

~~28365~~
28365.

~~1906~~

II 1274

Maximovich,
M. A.

ОТКУДА ИДЕТЬ

337 А.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,

ПО СКАЗАНИЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВѢСТИ

И ПО ДРУГИМЪ СТАРИНЫМЪ ПИСАНИЯМЪ

РУССКИМЪ.

.....

45-432

28361

СОЧИНЕНІЕ

Михаила Максимовича

Орд. Профессора Русской Словесности
въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ Св. Владиміра.

18 VII
— августъ — 37.
31.

437

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1837.

РН

DK 71
M 34

„... Откуда есть пошла Русская Земля,
кто въ Кіевѣ нача первѣе княжиши, и от-
куда Русская Земля спала ешь.“

Несторъ.

„Не праведно разсуждаешъ, кто Варяж-
ское имя приписываетъ одному народу.
Многія сильныя доказательства увѣряюшъ,
что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и азы-
ковъ состояли.“

Ломоносовъ.

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я ,

по опредѣленію і Отдѣленія Философскаго Факультета.
Кіевъ, Января 8 дня, 1837 года.

Ректоръ Университета *Владиміръ Цихъ.*

ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду Читателей краткое изслѣдованіе о *Руссахъ и Варягахъ* въ нашемъ Отецествѣ, по сказанію объ нихъ Преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли чтобъ Руссы были Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздаль Инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси, какъ два *древнѣйшіе*, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), прерывающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ—по Шлецерову *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ Княженія Владимірова въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской Лѣтописи принадлежатъ позднѣйшему времени, и за исключеніемъ *Кенигсбергскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія

времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

•
Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей Словесности, нелишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

I-й Періодъ, Древній — отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской Земли, съ пришествіемъ Руссовъ; началось Русское Православіе; составила Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и предложеніе на оныя Священныхъ и Церковныхъ Книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское Просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ Книгъ, книжно - Словенскаго языка и вліяніемъ *Греко - Восточнаго Просвѣщенія* ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до кончины Ярослава, 1054.

2-й отдѣлъ—до кончины Мономаха, 1125.

3-й отдѣлъ—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита въ Сѣверовосточную Русь.

II-й Періодъ, Средній—отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніемъ Русскаго Митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залѣскій и первымъ тамъ Соборомъ 1274 г., положено начало обновленія умственной и общественной жизни Сѣверовосточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго Духовенства*, какое особенно было въ сей періодъ,—означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латино-Западнаго Просвѣщенія* на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кроме того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ на Православіи утвержденной *Русской народности*, и ея безпримѣрно — богатымъ проявленіемъ въ *народной Поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю Средній періодъ на 3 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до исхода XV вѣка.

2-й отдѣлъ—до исхода XVI вѣка.

3-й отдѣлъ—до конца XVII вѣка.

III-й Періодъ, *Новый*—XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полного Единовластия Петра Великаго, начались Его нововведенія въ Россіи и преобразование оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго Просвѣщенія* подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго. (Въ 1700 г. между прочимъ прекратилось Русское Патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. X.).—Стремленіемъ къ *Европеизму*, переимчивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ озна-

менованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й отдѣлъ—до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й отдѣлъ—до 1812 года (до Жуковского).

4-й отдѣлъ—до кончины Александра I, 1825 г. (Карамзинъ—Ишорикъ предозначаетъ новѣйшее направленіе Русской Словесности).

IV-й Періодъ, Новѣйшій или Современный.

Въ нынѣшнее историческое Царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ,—означилось *просвѣщенное* обращеніе къ *свободности* и *положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей—въ самой Поэзій.

„Се Русія—уродившия въ Вѣрѣ Православной, за послушную рѣчь почитаемъ, абы въдалѣ самъ и иными Рускимъ сыномъ сказалъ: отколь Русь почалася, а якъ Панство Руское, за початку ставши, до сего часу идетъ.“

Заключаю мое Предисловіе сими словами Кіевскаго инока Феодосія Софоновича, изъ его *Хроникъ зъ Лѣтописцовъ стародавнихъ*, 1672 г.

1. Декабря, 1836 г.

М. Максимовъ.

Кіевъ.

О РУССАХЪ И ВАРЯГАХЪ.

§ 1.

По Словенски *языкомъ* называется и собственно языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образованіе изъ слова язъ или азъ, я — имѣють основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкѣ выражается личность народа, и облачаютъ глубокое чувство и сознаніе сей личности у племени Словенскаго.

Исторія Словесности и языка каждаго народа должна идти рядомъ съ Исторіей самаго народа, шѣтъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ Словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи спичій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлишь: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ спарожитовъ Россіи — *Восточныхъ Словенъ?* (1)

Но при этомъ неизбѣжно прикасаешься къ тому вопросу, который такъ важенъ

для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и
вѣспѣ запруднителенъ для нашей истори-
ческой Криптики; на которой она, при всемъ
многообразіи соображеній и мнѣній своихъ,
дасть опивѣлы рѣшителныя, но не дала
еще рѣшенія окончательнаго. Я разумѣю во-
просъ: опъ кого доспалось народу и языку
нашему имя Руси, объединившее собою Вос-
точныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ
Россіи? И если это имя не было общимъ для
нихъ издревле (2), по какому народу при-
надлежало оно прежде — Словенскому, или
не-Словенскому, и какому именно?

Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ
Неспорѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за
100 лѣтъ мнѣніе Байера (3) или починѣ
сказать мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Рус-
сахъ, — ученіе о Скандинавскомъ происхожде-
ніи Руси пересилило собою мнѣнія прежде
бывшія у насъ на Руси, опъ Неспора до
Ломоносова и Болшина; и этому ученію послѣ-
довала большая часть нашихъ лучшихъ,
всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской
Исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывший
Адъюнктомъ Байера Миллеръ хотѣлъ-было
въ Академической Рѣчи (О началѣ народа
и названія Русскаго, 1749) провозгласить
Скандинавское происхождение Руси. Но въ
тѣ пору всеобъемлющій Ломоносовъ оспа-

новилъ его; а попомъ уже и самъ Миллеръ былъ прошивъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, которій, по выраженію Шлецера, и въ Испоріи былъ оруломъ для Русскихъ, — которій и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ поже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Лапинъ, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣспились прежнія начала, коими изъясняли ея происхожденіе. По его мнѣнію, Варяго - Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, понынѣ Мордвою называемой Ра, — вышедшій опшуда вмѣспѣ съ Аланами, попому и названный Роксаланами и Аланъ - Орсами (4), а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, опъ р. Ра, какъ называется Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣспопребываніе ихъ въ Поморіи назвалось Поруссіей или Пруссіей, не по сосѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійскомъ Лѣтописцѣ*, 1760). —

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ I-й томъ Испоріи Россійской Тапищева (дополъ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производяща опъ *Финновъ* (а Рюрикъ опъ Королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писа-

шелями нашими имѣло многихъ послѣдова-
телей (5) и было господствующимъ до
Исторіи Карамзина.

Но послѣ того, какъ Шлецерово мнѣніе
принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворопивши
его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Рус-
совъ Шведскихъ онъ провель къ намъ черезъ
Пруссію), — у насъ спало господствовать
покрываемое именемъ Неспора мнѣніе, буд-
то Руссы были народъ Скандинавскаго или
Готто - Нѣмецкаго племени. — Въ слѣдствіе
того, новый Историкъ нашъ Полевой при-
нялъ за основное предположеніе, что Сканди-
навами начинается Исторія Русскаго на-
рода, и съ нихъ началъ свою Исторію (1829).
Но Сенковскій полагаетъ, что покоренные
Руссами - Скандинавами Словены и Финны
обрусѣли прежде, чѣмъ покорили ихъ
забывъ нарѣчіе свое сдѣлались *Человѣками*
т. е. Словенами; что овладѣнные Руссами,
съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо дол-
женствовали утратить свою народность и
сдѣлались Скандинавами въ образѣ мыслей,
правахъ и даже занятійхъ. Русскій языкъ
называется онъ химическимъ соединеніемъ
Словенскаго и Скандинаво - Нѣмецкаго, съ
примѣсю Финскаго, и говоритъ, будто
даже Запорожскіе Казаки говорили Сканди-
навскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ
Думъ сопряжено съ Исландскою Словесно-

стью (Сагою); Запорожье называется омиъ *Днѣпровскою Скандинавією Руссовъ*. (6)

Можетъ быть такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣщаетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы Философій и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ опрасляхъ мысли и жизни частной и общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространилось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія проповѣдающія Скандинавству Руссовъ, — и замѣчательно, что въ большей частіи ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроупностью и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться что новый Историкъ - Критикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно-Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ Опечесвенныхъ, опредѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣній и сомнѣній. Но пока совершился это, пока раскроется положительно древнѣйшая Исторія Руссовъ, опре-

дѣлится почтѣе и подробнѣе переходеніе ихъ и распространеніе въ нашемъ Отечествѣ, — мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими Писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первоспешенныхъ дѣятелей въ началѣ Земли Руской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ понятія писателей, кои сами по себѣ оспавляютъ предметъ нашихъ занятій (Исторіи Русской Слоvensности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшимъ себѣ и подлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2.

Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской Земли, (безъ чего нельзя было, кажецца, и обойтись писавшему о событіи семь спустя два вѣка); видно, что переименованіе Восточныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самого, и его переписчиковъ и продолжателей въ среднія времена: такъ, что Лѣтопись Русская въ семь отношеніи предспавляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *жизнія историческія*.

Приспужая къ --- собственно - Русскому Быпописанью Неспоръ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозывашься при Греческомъ Царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовашь въ 852 году. „Въ лѣто 6360, Индикта 15 день, наченшо Михаилу царствоваша, начаса прозываша Руска Земля.“

Сказавъ эшо, онъ потчасъ - же объяняется слѣдующими словами: „ О семь бо (по еспь; о началъ прованія Земли Русской) увѣдахомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ Лѣпописаньи Гречьстѣмъ: шѣмъ-же опселе почнемъ и числа положимъ.“ Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Поланскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаилава; слѣдовательно въ 866 году, который у Неспора и опноситея къ началу Русской Земли (7), въ которомъ дѣйствительнo приходили на Царьгородъ Руссы, по сказанію многихъ Визанційцевъ (8).

И такъ изъ сего ясно, что Неспоръ пошому *отселя* началъ собственно - Русское Быпописанье, что имя Руси нашель онъ именно въ эшо время *исторически*. ибо Лѣпописанье Греческое было для

ріей Всемірної; ясно також, что названіе *Русской Земли* оны производилъ оны *Руси*, ходившей въ 866 году на *Царьгородъ*, съ *Оскольдомъ* и *Диромъ*, изъ *Кіева*. Это основное, авторитетное Греческаго Лѣтописанья утвержденное положеніе у *Нестора* очевидно изъ его словъ неподлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти *Руссы* были первыми Христіанами *Русскими*, принявшими тогда же Крещеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богоматери *Влахернской* — въ *Патріаршество* *Фотія*, котораго обращеніемъ сихъ *Руссовъ* хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года (9). — По этимъ *Руссамъ* *Земля* наша причислена къ *Грековосточной Церкви*, и считалась ея 60-мъ *Архіепископствомъ* (10).

Оскольдъ — же и *Диръ* суть первые *Русские* *Князья* въ *Кіевѣ* (11), — въ кошоромъ водворившись 864 г. скоро сдѣлали они грознымъ на *Черномъ морѣ* имя *Руси*, и въ кошоромъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія *Олега* (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или *урядъ* *Руси* съ *Греками* (12); и вообще начались наши сношенія съ *Царемгородомъ*, какъ сношенія *Руси*, ибо *Кіевъ* имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

По эпитѣ Руссамъ, весьма усмѣившимся (въ княженіе Оскольда и Дира) на Сѣверныхъ берегахъ Чернаго или Синяго Моря, *Синяго Моря* можеть - бысть и море сіе прослыло *Русскими* (і 3), — подобно тому какъ море Балшійское (съ Нѣмецкимъ), по Варягамъ назвалось *Варлѣскимъ*: шо и другое имя у Неспора и у Арабскихъ писателей.

§ 3.

Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени? — Сіе можно разрѣшити читая далѣ Повѣсть Неспорову — ошъ призванія Рюрика до завладѣнія Олегомъ Кіева, и изъ его космографическаго Введенія. —

Новгородскіе Словены, Кривичи и Чудь, по изгнаніи ошъ себя Варяговъ, коимъ они платили дань, и послѣ междоусобій, рѣшились *поискать* себѣ Князя, который-бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Въ 862 г. они пошли за море *къ Варлгамъ къ Руси*: ибо шакъ звались шѣ Варяги, какъ другіе зовущся *Сселли*, другіе же *Урманамы*, *Англанамы*, другіе *Готамы*. („Сице бо ся зваху шьи Варязи супъ; яко се друзіи зовущя Свое, друзіи же Урмане, Англѣяне, друзіи Гѣше; шако и си “). *Лавр. сп.*)

мирной; ясно также
 Велии онъ произво-
 ет 866 году на
 ть и Диромъ, изъ
 авпорипешомъ Гр
 шверженное поло
 изъ его словъ нед
 омнѣнію.

дрѣпленіе сего на
 Руссы были перв
 ими, принявшими
 деснымъ дѣйствіем
 Влахернской — въ
 опорный обращеніем
 въ окружной гра
 — По эпимъ Русс
 а къ Грековостис
 ея 60-мъ Архіепис

дъ-же и Диръ с
 ѡя въ Кіевѣ (11).
 писъ 864 г. скоро
 Черномъ морѣ
 княжили они ок
 Олега (882). И
 первый договоръ
 ми (12); и вообщи
 съ Царемгородомъ,
 Кіевъ имѣлъ оныя

[The right side of the page contains a large block of text that has been almost entirely redacted with thick black horizontal bars. Only faint, illegible fragments of text are visible through the bars.]

и отношеніямъ или по сосѣд-
ству Руси (16).—

в Бергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣ-
шася на Рюрика и на Рю-
славлено „рѣша Руси“,— что
сказано Тимковскій, при изданіи Лав-
рентьевскаго списка. Если и такъ приняты,
то дѣла мало измѣнился: пусть
и князя сказали рѣчь свою полько
не ошъ этой Руси свѣдалъ Рю-
рикованіи, и воспользовался онымъ. —

въ позднѣйшихъ спискахъ поста-
влено „рѣша Варягомъ“; Рюрикъ
и названы „Князьями Нѣмецкими,
сидя ошъ Нѣмецъ“; вмѣсто „пошла
на Русь“ говорится „пошла съ
сими людемъ“; а въ Полешиковомъ
спискѣ „идоша къ Варягомъ къ
Рюрику и Рюсавлену“.

не нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже
по сказанію, а мнѣнія переписчи-
ковъ времени, которые подъ Ва-
рягами Нѣмцевъ, а Руссовъ опли-
ваютъ, и производили большею ча-
стью, упоминаемаго въ Библии у
Исаіи, а въ первомъ жеженъ-быть по
этому преданію, а во вто-

Изъ этого повѣспованія Неспора всего болѣе заключаюпъ, будшо онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ эпихъ словъ его видно только то, что онъ *Варгали* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англянъ и Готовъ (народовъ Нѣмецкаго племени), но также и *Русь*; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, что бы Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Неспора того не слѣдуетъ!

Руссы на Сѣверѣ могли именоваться *Варгали*, причисляясь къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ, — по одинакому съ ними на морѣ помъ образу жизни *Варяжскому*, и даже можеть бытъ по участию своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ Сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славились на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругіанами*, *Ранами* и *Руссами*.

Такъ Луипирандъ (X в.), говоря объ Игоревомъ походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно

„*a positione*“ какъ народъ *Спермий* „*sub Aquilonis parte constituta*“.

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Нестора; увидимъ также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описаніи Опечесченыхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ оплечіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской Землѣ, принимали иногда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

Варяжскій и Новгородскій Князь Олегъ, по завладѣніи Кіевомъ, назвался *Русскимъ Княземъ* (14), — также, какъ послѣ Липовскій Князь Гедиминъ, сдѣлавъ поже (1320), назвался и *Княземъ Русскимъ*; какъ Польскій Король Казиміръ, по овладѣніи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *Королемъ Русскимъ*.

§ 4.

Перейдемъ къ призванію Князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новгородскую.

„Рюша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся (15): земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣсть; да пойдѣте княжити и володѣти нами!“ Въ-слѣдствіе сего призванія—, избѣрашася при браня съ родѣ своими, полца (взяли) по собѣ всю Русь, и придоша.“

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ прудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой вѣрности своей.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — „ рѣша Русь “; въ Ипатьевскомъ — „ рюша Русь “.

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходитъ, будто Русь участвуетъ въ призваніи Князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послами — (въ качествѣ ли посредниковъ, или полководцевъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще неважно); а попому и надо - бы предположить, что искатели Князя, пойдя за море къ Варягамъ - Руси, звали ихъ княжити на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не Князя, а просто только охотники идти въ Новгородскую землю, — и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, Князю дружгъ Варговъ, ближайшихъ

(по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ шой Руси (16).—

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто „рѣша Русь“, пославлено „рѣша Руси“,— что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лавренщевскаго списка. Если и такъ приняшь, то сущность дѣла мало измѣнилась: пусть искашеля Князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же опъ эшой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ.—

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ пославлено уже „рѣша Варягомъ“; Рюрикъ съ братьями названы „Князьми Нѣмецкими, избравшимися опъ Нѣмецъ“; вмѣсто „поша по собѣ всю Русь“ говорится „поша съ собою дружину многоу“; а въ Полешиковомъ спискѣ вмѣсто „идоша къ Варягомъ къ Руси“ пославлено „идоша къ Варягомъ изъ Руси.“

Тутъ уже нѣтъ Варяговъ - Руси, — и уже не Несторово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, копорые подъ Варягами разумѣли Нѣмцевъ, а Руссовъ оплачали опъ нихъ, и производили большею частью опъ Росса, упоминаемаго въ Библии у Іезекіиля, — думая первое можеть-быть по старинному народному преданію, а во вто-

ромъ утверждаясь мнѣніемъ Макарія, опъ котораго особенно распространилось оное, и по вліянію котораго въ Слепенной Книгѣ сказано: „послаша Русь къ Варягомъ и придоша изъ за моря на Русь“. —

Обратимся къ Неспору. У него не сказано опъ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморьянами или за Одеромъ, — и по соображенію сего показанія съ его словами, „идоше за море къ Руси,“ я думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащаго недалеко опъ Южной Юпландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ находовъ, *волкомъ рыскалъ* (17) по Сѣверозападу сынъ Короля Юпландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рѣрикъ*, и сказанія объ немъ Западныхъ Лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Неспора о Князѣ Рюрикѣ; по и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ Князь Рюрикъ были одна и та же особа (18). Безъ сомнѣнія онъ былъ очень гошовъ княживъ въ обширномъ Оспрагардѣ, который самъ напрашивался *подъ его руку*. — Подъ знамена сего „Нѣмскаго Князя“ (*Арх. Лѣт.*) набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Неспора; и такимъ об-

разомъ Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, кою-рою знапнѣйшую часпъ соспавляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги—Дань.

§ 5.

Мѣстопребываніе *Руси* на Прибалтійскомъ Западѣ по Неспору можно опредѣ-лишь изъ его космографическаго Введенія въ связи съ выше - приведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Сееи, Урмане, Англане, Готы*).

Неспоръ говоритъ (*Лавр. Сп.*): „Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдпъ къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдпъ Варязи сѣмо ко въспоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдпъ къ западу до земли Агнянски и до Волопъски; Афешово бо и по колѣно: Варязи *Сееи, Урмане, Русь, Англане.*“

И такъ Варяги во-первыхъ сѣдпъ по Варяжскому морю къ Воспоку опъ *Поморской Чуди* (Эспляндской). Кто эти Варяги—у Неспора не сказано; поелику-же между Варягами, сѣдпцами къ Западу, неупоминающся Готы, то не разумѣль-ли Неспоръ сихъ заморскихъ обитателей Готъ.

скаго берега? Но кромѣ того подѣ Восточными Варягами, проспирающимися до предѣла Симова, онъ весьма могъ разумѣть Варяговъ насельниковъ по нашему Сѣверу.—

Западные Варяги у него счисляются по порядку къ Западу: по юу спорону моря— *Свеи, Урмане*; по сю спорону— *Русь, Англане*.

Между Западными и Восточными Варягами присѣдаясь къ морю, начиная съ Воспока: Чудь (Поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Неспора показаны на Висль; къ Ляхамъ онъ причисляетъ *Лутигей, Мазовшанъ и Поморлякъ* (говоря: „Ляхове друзи Лупичи, ини Мазовшане, ини Поморяне“).

И пакъ Западные Варяги на Южномъ Поморіи по Неспору начинающся шамъ, гдѣ кончашся *Поморяне* (собшвеннымъ именемъ означенные и причисленные къ Ляхамъ) и проспирающся на Западъ до *Земли Волошской* (Франціи). А на эпомъ пространствѣ опъ Одера къ Эльбѣ, въ эпой тегга *hoggois* для Имперіи,—всплошь опъ Поморянъ жили пакже народы Словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ опносятся у Неспора эни Словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы*, подѣ разными видоизмѣненіями

ми своего имени (19), — *Вильки* (Меклембургцы), *Вагры* (Голшпинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ быть и для всѣхъ ихъ, у Неспора одно только имя — *Русь*; а за Русью — *Ангиле* или *Англане*, самые Западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморьянамъ Руссами были Ружане, жители острова Ругена. Сии Руссы у Словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и ордулу своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Неспоръ говоритъ „идоша за море“; посему я и предполагаю, что всего скорѣе къ нимъ могли попасть Новгородскіе искашели Князя. — Естественнo, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣнія ближайшимъ Варягамъ, коихъ власть и право уже нѣкогда разъ испытали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эти Варяги и безъ нихъ знали, что Земля ихъ велика и обильна... —

Слова Неспора „поша по собѣ всю Русь“ значатъ не то, что бы Руси тогда совсѣмъ уже не осталось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою „всю Русь“ при немъ бывшую или къ нему приспавшую: это понятно и безъ перемѣны

эпикъ словъ на „дружину многу“, сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оспавалось еще на Западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; потому - по Неспорь въ своей Космографіи и упоминаеть *Русь* дважды: одинъ разъ — какъ общее имя нашихъ Воспочныхъ, уже Русскихъ Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще Западный и Варяжскій. И Шлецеръ по - напрасну въ обомхъ эпикхъ мѣстахъ Неспорово слово *Русь* почишалъ вспавкою переписчика; а „дружину многу“ позднѣйшихъ переписчиковъ предпочишалъ *всей Руси* Неспора.

А что дѣйствительно *Русь* оспавалась еще послѣ 862 года на Западѣ за Одеромъ, гдѣ показываеть ее Неспорь, и что эти Руссы были Словены, тому, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ (20) нашель новыя, ясныя доказательства въ Западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались Крипикки. Особенно важно извѣстіе объ участіи Русскаго Князя (Principes Russiae) *Велемира*, Русскаго Герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружскаго Князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) въ Магдебургскихъ Турнирахъ Генриха Ппицелова 938 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ Турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ

первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе Князья были Вассалами Императора, были вѣры Западной, которая до Непора еще называлась у насъ *Варяжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Неметскою* (*Соф. Врем.*).

Самыя имена эпитхъ Русскихъ Князей: Велемиръ, Радебошпо, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же за Одеромъ (въ *Рудеміи*, по Силезскимъ Грамошамъ) встрѣчающія фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ *-овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ, — равно и деревни съ окончаніемъ *-ово* (на-пр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ *-иха* (Сѣнниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ Князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ, — имена другихъ находниковъ Варяговъ, суть не Словенскія, а Скандинавскія. Такъ и между послами въ Олеговомъ Договорѣ различаете Карла, Руальда, опъ Вельмудра; въ Игоревомъ Договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, опъ Праспѣна, Володислава, Воика. —

§ 6.

Посмотримъ теперь на появленіе Руск въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ) Новгородскую землю „спарѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ (21), а другій Синеусъ на Бѣль-озерѣ, а преній (въ) Изборьспѣ Труворь. Опъ тѣхъ прозвася Руская Земля, Новгородъци: ни супъ люде Новгородъци опъ рода Варяжъска, преже бо бѣша Словѣни.“

Изъ эпихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою Землею назвался сначала и долго назывался одинъ Сѣверъ, и именно Новгородъ (22). Но сего опять не слѣдуетъ ни изъ самихъ эпихъ словъ Неспора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской Земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣспованія.

По-моему, смыслъ эпихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская Земля*, и *Новгородъци*, коихъ предки — спарожилы или насельники Новгородскіе — назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣлся опъ Руссовъ; ибо опъ Варяговъ она скорѣ прозвалась - бы Варяжскою. О семъ прозваніи Неспоръ объяснилъ уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего ска-

занія о прищеспвіи Руси съ прежде-указан-нымъ на нихъ завѣспіемъ, о коемъ подро-бнѣе рассказываетъ онъ послѣ, въ свое вре-мя, ш. е. подъ 866 годомъ.

Но о прозваніи *Новгородцевъ*, упомяну-помъ здѣсь впервые, Неспоръ здѣсь-же и объясняется; и я пакъ понимаю слова его: что *Новгородцами* назвались на своемъ ново-сели водворившіеся въ Новѣгородъ Князья съ родомъ (25) своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ прозвались *Новгородцами* и спарожилы Словены (по-добно пому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою Зем-лею — опъ своихъ находниковъ-Руссовъ).—

Рюрикъ черезъ два года, по смерти брать-евъ, пріавши власпъ одинъ, роздалъ города своего Новгородскаго Княженія мужамъ сво-имъ, Варягамъ. „И по шѣмъ городомъ (по-ясняется Неспоръ) супъ находници Варязи; а первіи насельници—въ Новѣгородѣ Сло-вѣне, въ Полопъскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Росповѣ Меря, въ Бѣлѣ-озерѣ Веси, въ Муромѣ Мурома; и шѣми всѣми обладаше Рю-рикъ“ княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Диръ, „не племени его, ни боярина“, коимъ

не далъ онъ „ни града ни села“ (какъ сказано въ Арханг. Лѣтоп.). И они испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру оспались въ Кіевѣ; и „многи Варяги совокупишпа“ спали владѣшь землею Полянскою.—

Съ уходомъ симъ мужей опъ Рюрика, въ Новгородскомъ Княженіи словно неспало Руси; ибо, по Лѣтописи Неспора, въ Новгородѣ и прочихъ городахъ Рюрикова владѣнія видимъ только *Варяжскій родъ*, только распроспраненіе и усиленіе *находникоу Варягоу*; а въ поже почти время *Русь* является и дѣйспвуенъ на Черномъ морѣ, подъ предводительспвомъ своихъ Кіевскихъ Князей, подъ своимъ собспвеннымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорьъ, не называющся Русскими Князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ Сѣвера шель на Кіевъ, были Варяги, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и въ Рюриковомъ Княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Поруси* и гѣрода *Старал Руса* или *Русь*.

Между шѣмъ Русь распространяется, усиливается въ Кіевѣ или Полянскою землѣ (24), откуда она дѣйствительно и въ послѣдствіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажется, всего прослѣе заключить, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а потомъ пришла къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣроятно не обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны (25).

Тамъ и прозвалась *Русская Земля*, отъ *земль* Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашу Сѣверъ съ преемъ Варяжскими Князьми и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжской дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числиться подъ общимъ именемъ Варяговъ; но потомъ отдѣлилась подъ собственнымъ именемъ.

Такимъ же образомъ и Варяги, оппавшіе отъ Рюрика, прислаивали къ дружинѣ Русской, къ Руси Оскольдовой на Югѣ; тамъ, въ Землѣ Русской, они дѣйствовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

Изъ этого выводъ, мнѣ кажется, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Неспора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ.—

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ Лѣтописи, въ выше-приведенномъ мѣстѣ, относительно слова *Русь* находящаяся разногласіа: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію о Руси — такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную для историческихъ системъ, видите только разныя мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Неспоръ, — чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ тѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависить объясненіе откуда Русь получила свое названіе; но не смотря на то, Шлецеръ изъ эпитихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги-Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это будто по Неспору (въ самомъ-же дѣлѣ по Тунману), онъ не только нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Неспору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени (26); но сказалъ даже, что недолжно и упоминать въ Русской Исторіи объ эпитихъ Руссахъ 866 года, отъ коихъ именно Неспоръ и ведетъ начало *Русской Земли*. Отверженіе жестокое, особенно для нареченнаго *отца* нашей исторической крѣпички, но не

сильное проптиву истины: ибо только по
сказалъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Ва-
ряги прочіе — были народы разноплемен-
ные!

§ 7.

Послѣдуемъ далѣе за Неспоромъ, съ при-
шесствія Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ
Княженіи на Сѣверѣ не-упоминается у Нес-
пора ничего Русскаго, по опложеніи Ос-
кольда и Дира; что Русь дѣйствуешь на
Югѣ, и опъ нея въ Кіевской области, въ
землѣ Полянскои начинается *Русская Земля*.

Тамъ въ теченіе 18 лѣтъ безъ-сомнѣнія
упвердилось имя *Русское*, о которомъ молва
доспигла къ Корсунцамъ и Грекамъ безъ-
сомнѣнія еще до похода въ 866 году, какъ
объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою
землею и Кіевомъ. — Историческая рѣка *Росъ*
или *Русь* (27) и впадающая въ нее рѣчка
Россава такъ назвались вѣроятно потому,
что на нихъ Руссы имѣли одно изъ глав-
ныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; та-
ково-же бышь-можень и происхождение се-
ла *Русанова*, находившагося на
рѣкѣ Дибра верстахъ въ 30

вдалекѣ опъ Борисполя. — См. Чершежь
Украины Боплановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую Землю происходишь новое утвержденіе въ ней и распространеніе на другія области имени Русскаго. — Оскольдъ и Диръ, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для нашихъ Варяжскихъ природныхъ Князей за свое оппаденіе опъ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и Христіанство, — за оплученіе Руси опъ Рюрика Княженія; припомъ въ Никоновской Лѣтописи упоминаешся, что въ 867 г. многіе Новгородскіе мужи убѣждали опъ Рюрика въ Кіевъ, что Оскольдъ и Диръ воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову Княженію (25). Воишель Олегъ умерщвляетъ этихъ первыхъ Князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій Князь*; Кіевъ опъ него нареченъ *Матерью Русскихъ городовъ* („Чернигову, Переяславлю, Полошску, Ростову, Любечу, и прочимъ городамъ“); онъ обладаетъ уже всею Землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ „Варяги, Словены и прочи прозвашася Русью“; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идушь на Царьгородъ и Варяги, и Словены,

и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олеговы—Карль, Ингельдъ, Руальдъ и ш. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорятъ уже: „Мы ошъ рода Рускаго“.—

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Кіевомъ, было безъ сомнѣнія пошому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на Югъ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи Князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можешъ-быть даже повелѣніемъ Грекамъ: шить парусы для Руси *наволобитые* (маперчатые), а для Словенъ (Новгородцевъ) — *кропикные* (положняные).

И пакъ Кіевъ ешъ мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла Земля Русская!* отсюда сыны ея распекались грозными спаницами на Югъ, на свое Русское море, по копорому ходили они на всѣ спороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже спрану Вифанскую, и воевали по Понпу до Иракліи и Пафлагонской земли, поцѣнили всю спрану Никомидскую, и сожгли всю Суду (28). При Свяшославѣ уже завоевана была Козарія, уже Тмушараванъ (Тамарканъ) Косоги (Черкесы) и Ясы (Осетины).

Болгарія—были *подъ Русью* (29). Изъ Кіева распроспранилась и Вѣра, и грамоша и все Просвѣщеніе Русское. Оскольдъ и Дирь первые положили начало Руси; Вѣщій Олегъ былъ распроспранитель и возвеличитель ея имени, и водворилъ Рюрикова Княжескаго племени на ея престолъ; а Святославъ былъ первый Русскій Князь уже и по имени Русскому, уже опмѣнявшійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8.

Такимъ образомъ имя *Рюрика* спало господствующимъ; его принимали всѣ вступавшіе подъ знамена Кіевскія и служившіе Князьямъ Русскимъ: попому и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью*, не бывъ настоящими природными Руссами; какъ и шеперь называется *Рускии* каждый подданный Русской Державы каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вступающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *Земли Русской собственно*, проспирающеея и на всѣ области и города, кои принадлежали къ Кіевскому

Княженію, были *подъ Русью* (30); 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской Землѣ (31), но въ этомъ случаѣ оно всегда опличено отъ имени *Варяга*, которыми въ Несторовой Повѣспи о внутреннихъ событіяхъ Русской Земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Нестора — на Югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходилъ съ Сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведе еще нѣсколько мѣстъ изъ Нестора.

Игорь совокупилъ вои многи: *Варяги, Русь, Поляны, Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги*; и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: „се иде Русь!“ Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь* — имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числился и особый народъ — *Русь*, но естъ также и *Варяги*.

Ярославъ на Святополка шелъ изъ Новгорода съ *Варягами и Новгородцами*; Руси небыло. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на опщевскомъ и дѣдовскомъ Престолю, тогда прошиву Болеслава и Святополка ходилъ уже „совокупивъ *Русь, и Варяги, и Словяне*.“ Опять Русь идесть съ Юга! — Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владимира на Грековъ, давъ ему „вои многи — *Варяги, Русь*.“ По приходѣ къ Дунаю,

ла Владиміру: „спанемъ здѣ на полѣ“; а Варяги говорили: „пойдемъ въ лодіяхъ подѣ городъ“. (*Соф. Врем.*)

Варягъ, хоця и дѣйствуешъ подѣ именемъ Руси и принимаешъ Хрисціанство, но оспашеся Варягомъ, Заморяниномъ, не-Рускимъ! Таковъ онъ являешся особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ же посадилъ своихъ Посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣшелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вои многи — Варяговъ и Словенъ, Чудь и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полоцкъ на Рогволода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ спашъ Кіевскимъ Княземъ, то *Варяги*, помогши ему овладѣшъ Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но онъ „избра ошъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры“, а прочихъ прослалъ въ Царьгородъ, ошправивъ на-передъ посла, говоря шакъ: „Царю, се идушъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли шо спворяшъ ши зло, яко и сде, но распочи я разно, а сѣмо не пуцай ни единого“. (32)

§ 9.

Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ Лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ Былописаньи Русскомъ, *Варягъ* сперва являлся и изгонялся какъ заморскій врагъ и разбойникъ; потомъ какъ призванный изъ заморья власнншель и находникъ; наконецъ какъ *привабленнй* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ и въ Царьгородѣ подъ именемъ *Варанга*). Опъ чего-бы ни произошло первоначально имя *Варяга* (35), но *Варягами* - собственно называется у *Неспора* всякій народъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ безразлично, со- времени ихъ вражскаго нападенія изъ заморья въ 859 году, въ *Неспоровой Повѣсти* одно имя *Варяги*, какъ племенное, общее, постоянное, неоппадающее опъ нихъ ни въ *Новгородѣ*, ни въ *Киевѣ*, ни на *Черномъ*, ни на *Варяжскомъ морѣ*, ни въ *языческѣ*, ни въ *Хрисціанствѣ*.

Западная, поморская *Русь* у *Неспора* причисляется къ *Варягамъ*, не по племени и языку, ибо племени и языка она Славяно-Варяжскаго. Къ *Варягамъ* причис-

спора Западная Русь по общему съ ними мѣспопребыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ годовѣрспву съ насшюащими Варягами, въ оплчїе опъ Руси Восшюащной „Хрїсшїанской или Правоспрной“, уже сроднившейся съ Юговосшюащными Словенами.

Въ шакомъ шольшо смышлѣ можно счїшпашъ Западную Русь *Норманами*; ибо и съ эшїмъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось поняшїе Сѣвернаго врага - воищелл или разбойника, а не различїе племени. Въ шакомъ смышлѣ Несшоровы *Варлги* шоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши — наѣздники Азіашскїе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшїе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскїя, и Турецкїя, коихъ облики по сшю пору еще можно различашъ, наприм. между Ташарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слывушъ у насъ подъ общими именами *Горца* и даже *Черкеса*, *Сибиряка*, *Крылица*.—

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, припомъ они были

освободили ихъ отъ налога Козаровъ, ко-
имъ первую дань пышались - было Поляны
заплашишь обоюдоспрыми мечами: пошому
Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились
имъ, шѣснѣ сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплемен-
ники Словенамъ: Варяги только жили да ра-
ботали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ раз-
умѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ языче-
ствѣ (§ 8). — „Варязи бяху мнози у Ярославѣ,
и насилье шворяху Новгородцемъ и же-
намъ ихъ: вспавше Новгородци избиша
Варягы“; а сказаніе о Вадимѣ (25) показы-
ваетъ какъ еще съ первыхъ временъ приня-
лись Варяжскіе Князья у Словенъ Ново-
городскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ шѣмъ какъ
имя Руси все болѣе и болѣе усвоилось Во-
спочнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у
Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не-
Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ
Варяжскій означали у насъ уже' прошиво-
положное Греко - Воспочному и Словено -
Русскому — *Западное*.

Такъ въ Ошвѣтѣ Преподобнаго Θεодосія
Печерскаго Изяславу: *Варяжскою* впрю на-
зывается Западная или *Латинская* вѣра.

противоположность Русскому *Православію*. *Варягъ и Латинникъ* у него одно, — и онъ сильно увѣщеваеишь Князя (34) „блоспи себя оишь *Варяговъ*, не присвояиши имъ; и своихъ дочерей — говоришь — недоспойно Хрестьяномъ даиши за ня, ни поимаиши за себе у нихъ, ни браишиши съ ними, ни кумишиши.“ — И пакъ еще до Неспора на *Варяга* смотрѣли Руссы именно какъ на *мювьрца* Западнаго, — прошивополагали *Хрестьянику*, *Правовѣрному*, особенно въ обиптели *Феодосіевой*, гдѣ и Неспору немогло быишь чуждыиъ шакое поняиіе.

Въ номъ-же смыслѣ и въ Новѣгородѣ упошреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. Кирикъ вопрошаеишь Архіепископа Илію: „А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* поцу дѣиши на молишву? — Шесшь недѣль опишемье, рече, заме-же акы двовѣрци суишь.“

Но Неспоръ сохранилъ испорико-географическое значеніе *Варяговъ*; а Западныхъ или Германскихъ Тевшоновъ называеишь *Нплицали*, именемъ (по мнѣнію Болпина) происшедшимъ оишь Германскаго народа, издревле называвшагося *Неметали*. Такъ въ космографическомъ Введеніи исчисляюишься народы, идуище по Западу, къ Югу оишь *Варяговъ*: „Галичане (ш. е. Галлы), Волхва, Римляне,

Нѣмци, Корлязи, Венѣдици, Фрягове и прочіи“ (35). И въ самой Повѣсти его— „приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Нѣмци* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Панежа“.

Такъ и Миспрополишъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говоритъ: „помощь-же преяша спараго Рима *Нѣмци*, и обладаша землею пою. И по малъ времени спаріи и Правовѣрніи мужи, иже храняхушь и дръжаху законъ Христовъ и Святыхъ Апостоль и Святыхъ Отець, олгъидоша; по умершвиіи онѣхъ мѣладіи и неушверженіи прельсни Нѣмечьскѣй въслѣдоваша...“

Такъ и у Пѣвца Игоря: въ Кіевѣ— „шу *Нѣмци* и Венедици, шу Греци и Морава поюшь славу Свяшъславлю“; а въ Крыму— „*Готскіа* красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю.“

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (поспановленномъ въ концѣ XII в., вѣрояшно Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаюшся еще въ Новѣгородѣ— *Нѣмци* и *Гти* (ш. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Нѣмца* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевтоновъ. Такъ въ Договорѣ Смоленскаго Князя съ Ригюю и Готскимъ берегомъ (1228 г.) жилиши обоихъ наивнѣшнихъ

ваются обыкновенно Лапинами, Лапинскимъ языкомъ, но также *Нѣминомъ* и *Нѣмицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ эпитимъ именовъ стали подсынять старое имя (Варяга). Такъ въ Полепиковомъ спискѣ Лѣтописи сказано, что Рюрикъ избрался „опъ Варягъ опъ Нѣмецъ“; въ прочихъ спискахъ уже просто „опъ Нѣмецъ“ или „изъ Нѣмецъ“. Въ Софійскомъ Временникѣ надъ выше-упомянутымъ посольствомъ Нѣмцевъ опъ Папежа къ Владиміру пославлено: „О Нѣмельской вѣрѣ“ (вмѣсто прежняго имени — Варяжской или Лапинской); а надъ присланіемъ опъ Грековъ Философа: „О вѣрѣ Христіаньской.“

Такимъ образомъ эпитимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ*, которое изъ прежняго выше-изложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога*, попомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменника и иновѣрца Европейскаго, и въ - послѣдствіи обратилось въ понятіе *соруги*, съ которымъ не-шумя изъясняли имя Варяга — даже Конисскій, въ своей Истории Малой Россіи.

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго зна-

ченія— сначала Немешовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Нѣмецкими* спали называли въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, Западное, но и все *индоевропейское*, неговорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и потому какъ-бы *иностранное*. Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской Лѣтописи: „А Югри естъ народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто не разумѣетъ“.— Такъ въ пѣснопѣніи народномъ среднихъ временъ объ *Иванѣ Годиковѣ* находимъ:

„Въ дальню Землю Загорскую,
За Царя Афромя Афромяевича,
За Царя отдашь — ей Царицею слышь,
Пановя всѣ поклоняшся,
Пановя и Улановья (35),

А Нѣмецкихъ языковъ счешу нѣтъ!“—

Примѣровъ такого распространенія и превращенія въ смыслъ именъ народныхъ можно привести большое число.— Такъ Лапыши называютъ *Кривыми* не однихъ Бѣлоруссовъ, но и всѣхъ Рускихъ, потому что Кривичи, были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франками* по сю пору Черкесы называютъ вообще Европейцевъ; а у Рускихъ это слово совсѣмъ

потеряло значеніе народа. Такъ *Берендѣй*, имя споль близкаго и извѣснаго намъ въ древнее время народа, оспалось шеперь шолько въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались эпимъ именемъ по глубокому въ себѣ чувству Божественнаго дара *слова*, отъ чего произошли имена и *славы*, и *человѣка*. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обрапили въ значеніе *склава*, какъ Спарпанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека у Сербовъ перешло въ *грка*-торгаша; шакъ у насъ народное имя Швейцара обрапилось въ швейцара-придверника. —

Именемъ *Гайдалака* называли себя Запорожскіе Козаки, когда имъ была „Сѣчь мапи, а Великій Лугъ бапъшко“; но попомъ, когда вапаги ихъ, несоставлявшіе войска Запорожскаго, спали охопились разбоемъ, — у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* спало значишь разбойника.

Такъ и слово *Козакъ*, нѣкогда бывшее кажешся племеннымъ именемъ Горскаго народа *Косоговъ*, а попомъ у Азіатскихъ Ордъ значившее вообще *напздника*, — у Турковъ и Татаръ получило бранный смыслъ, когда Козаками спали назывались Запорожцы, кои

дали себя знать *Турецкии* да *Татарциип*. Напрошигъ на Украинѣ слово *Козакъ* обралилось въ народное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *есаадника* образовалось при подобныхъ обшпояшельствахъ Западное Рыцарство или Кавалерство, въ прошивоположеноспъ коему Козачество Украинское предспавляло собою *Рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою Козацкую Поэзію, и свои Крешповые походы за Восточную Церковь (съ 1592 года), и нашешее себя Владыку въ Православномъ *Царѣ Восточномъ* (36).—И Бандуриспъ Украинскій свою Думу о Козацкомъ подвигѣ заключалъ припѣвкою:

*Легла Козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава—не умретъ и не ляжетъ,
Рыцарство Козацкое всякому расскажетъ!* (37)

§ 10.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что *Землею Русскою* назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новгородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новгородской землѣ, по Лѣтописямъ, невидно

Руси. Между шѣмъ Русь была уже гдѣ лѣшь въ Кіевѣ; попому и Земля Русская иногда называлась еще *Кіевомъ*, на-примѣръ: „и взяша (Башый) градъ Переяславль Рускій (38) иже въ Кіевѣ.“ (*Никон. Лѣтоп.*).

Новгородцами, какъ изъяснено въ § 6 по Несторовой Повѣсти, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а опъ нихъ уже и прежніе Новгородскіе насельники *Словены*, копорые долго еще назывались эшимъ народнымъ своимъ именемъ, въ опличіе опъ Новгородцевъ - находниковъ, опъ Варяговъ. Эпо видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой Повѣсти. Въ Русской Правдѣ пакже упоминающся какъ особыя имена *Русикъ* и *Словеникъ*, и особо опъ обоихъ опличается *Варягъ*. — Имя *Словеникъ*, къ Новгородцамъ опносящееся, находимъ и въ Кириковыхъ Вопрошаніяхъ (Епископу Нифонпу) опъ половины XII вѣка (39).

И пакъ имя *Словеникъ*, какъ спародавнее для Новгородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новгородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новгородскихъ (40). — Новгородскій Лѣтописецъ (41), при описаніи со- бытій съ половины XI-го и въ продолженіе

почши всего XII-го вѣка, *Русью* и *Русскою Землею* называешъ почши всегда шолько Кіевскую или Южно-Русскую областъ.—

Вошъ нѣскольکو пому примѣровъ, копорыхъ можно привесши гораздо больше. „Епископъ и купецъ и слы *Новгородскія* не пуццяху *изъ Руси*“. — „Ходиша вся *Руска Земля* на *Галиць*“. — „Послаша *Новгородъци* къ Свяшославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра *въ Новгородъ*. Въ помъ-же лѣпѣ на зиму иде Князь Свяшославъ Всеволодовиць Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суждаль*, а сынъ его Володиміръ съ *Новгородъци* *изъ Новгорода*“. —

Въ опличіе опъ сей собственно-*Русской Земли* или *Руси*, *Новгородскій Лѣпописецъ* въ XII вѣкѣ *Просторускою Землею* называешъ (какъ я полагаю) середнюю Русь ш. е. Сѣверозападную и Сѣверовоспочную. На-примѣръ: „Придоша подъ *Новгородъ Суждальци* съ *Андреевицемъ*. Романъ и Мспиславъ съ *Смоляны* и съ *Торопцянны*, *Муромци* и *Рязанци*, и вся *Земля Просторусьская*“. —

Такъ и Лѣпопись Кіевская *Русью*, *Рускою Землею* называешъ Южную Русь, опличая шѣмъ ее опъ *Новгорода*.

Послѣ сего, миѣ кажется, несомнѣнно можно положитъ, что имя *Русской Земли*

сначала принадлежало собственно не Новгороду, а Киеву (42).

Олегу, сдѣлавшись Киевскимъ, Русскимъ Княземъ успавиль — „Варягомъ дань даяши отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣпо *мира-дпль*, еже до смерти Ярославъ даяше Варягомъ“. Ольга успамовляешъ по Лугѣ оброки и дани. Новгородъ оспаешся ояпшъ безъ особаго у себя Князя, какъ данникъ и оброчникъ Руси; и Конспаншинъ Багрянородный называешъ его *Ексо-Россією* (внѣшнею Россією). — Въ шакомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло пресперешъ на Новгородскую землю не прежде, какъ не завладѣніи Киева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами спашъ *подъ Русю*.

Въ 970 году *людие Новгородѣстїи* (видю ояпшъ не-поладивъ между собою безъ Князя) идушъ просипъ себѣ Князя у Руси, не уже Киевской. Просьба ихъ была не-совсѣмъ покорѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ Князя. — Только-бы ешо пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Свяшославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у Великаго Князя выпросили себѣ Владимира, который и былъ *первымъ Русскимъ Княземъ въ Новгородѣ*.

Благовластный Ярославъ, за важную для него услугу Новгородцевъ, при овладѣннѣи общевсѣмъ Кіевскимъ Пресполомъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и опниускную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго Государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его составъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и попому часпо оспавался безъ Князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вечевой сходки своей, копорыми весьма условлена была власть Княжеская. Новгородъ богашѣлъ порговлею съ Ганзейскими городами, *плоткичалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ пакъ - называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконецъ онъ говорилъ уже: „кто прошивъ Бога и Великаго - Новгорода?“

Особящійся такимъ образомъ на Сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власти Митрополиша Кіевскаго и всея Руси, принадлежалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судясь въ мірскихъ дѣлахъ Судомъ Ярославимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи и *своими судомъ*. Онъ былъ пакъ-сказашъ креспнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполне усыновился новой, впорой мапери обновленныхъ Русскихъ городовъ — *Москвѣ Бълокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему Великокняже-

скому *Московскому* Пресполу всю Суздальскую, а попомъ и Новгородскую землю, образовала изъ нѣго *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимуществу зовушся *Русскими*, кошорая въ обласяхъ своихъ именуешся собшвенно - *Россією*, и въ народѣ своемъ величаешся *Святою*:

„Какъ у насъ было на Свяшой Руси!

Какъ у насъ было въ Каменнѣй Москвѣ!...“

„Москва...какъ много въ эпомѣ словѣ

Для сердца Русскаго смялось,

Какъ много въ немъ опозвалось!“

Да, много опозвалось въ эпомѣ словѣ! Въ эпомѣ сердцѣ Россіи опяшь смялось, сроднилось почти все, чѣмъ владѣль Сполыйный Кіевъ, чпо воспріяло опъ него и кровь и духъ и имя Русское, и безъ чего кончалъ онъ богашырскій вѣкъ свой, вмѣспѣ съ Царемгородомъ (43). *Того Стараго Владимира* (говорилъ Пѣвецъ Игоря) *нелзя было пригвоздитъ къ горами Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились....* (44).

Уже при Ярославѣ опстала опъ Кіева Сѣверозападный удѣль его съ своими *громкими* Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла опъ Кіева имя Земли Русской (45). *Коспми Русскихъ Сыновъ* засѣялись кровавые

берега Немени, и онъ, *Руссоми* (27) вливается въ Варяжское море, отдѣляя тамъ Землю Русскую отъ Прусской (47). Всеславъ Полоцкій „разшире славу Ярославу“; но его душа была въ Кіевѣ: „тому въ Полоцкѣ позво- ниша заушренюю рано у Свящыя Софем въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша!“ Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславовы уже опи- сали отъ дѣдовской славы.

Послѣ Впорога Владимира, послѣдняго Еди- новластника Древней Руси (1125 г.), Столь- ный Кіевъ спалъ упадши; пополамъ рва- лось его богатырское сердце, и Великокня- жеская сила его разошлась на двѣ спороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ Сѣверовосточный, въ землю Суз- дальскую, куда еще отецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣстѣ съ именами го- родовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Зальскій изъ Кіе- ва Мипрополища *вселя Руси*. Сѣверовосточная Русь наслѣдовала и бармы Мономаха, коими вѣнчается Русскій Царь на Единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій Великокняжескую силу Кіева перевелъ въ Югозападный удѣлъ его, въ землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ Самодержцемъ *вселя Руси* (18).

И такъ Новгородская земля *обрусела* позднее чѣмъ Сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ Сѣверовосточная или Суздальская Русь, чѣмъ Югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже были Русью, — города коихъ были родными дѣтьми Кіеву, и по упрямѣ коихъ первою названна *Земля Русская* прозвана *Украиною* (49), а въ XIV вѣкѣ во Владиміръ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* (50). Сія-то древняя Кіевская Русь была расадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ — *Русичей*, духа любви къ Русской Землѣ и ея славы (51), копорюю звучали самыя имена Русскихъ Князей.

„Не посрамитъ Земля Рускія, но ляжемъ кошпѣми: мершвыи бо срама не имамъ!“ восклицалъ Воинспивенникъ Святославъ передъ побѣднымъ *Русскими богами* (52).

„За Землю Рускую!“ взывалъ къ *Клятецкиимъ* сынамъ Владиміровой Руси Пѣвецъ Игоря Новагорода-Сѣверскаго.

Но у *житыхъ людей* двухъ *Господъ* — Великаго-Новагорода и Пскова — тогда была еще „душа на Великой, а сердце на Волховѣ.“ (53)

ПОСЛѢСЛОВІЕ

**О РАЗНООБРАЗІИ И ЕДИНСТВѢ МНѢНІЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНІЯ РУСИ.**

„Аще же и многого искушва желаетъ кто: вѣсь
древняя, и быши хошящая разсмотряетъ; свѣсь из-
вишя словесъ и разрѣшеня; знаменя и чудеса прора-
зумѣваетъ, и сбышя время и дѣш.“

Прем. VIII. 8.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Да не будешь мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской Лѣтописи я называю *историческими мнѣніями*, также, какъ и умозаключенія ученыхъ Кришниковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрьямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ, также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрьямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученымъ!—Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не анпикварій кабинетный полько, но и келейный писецъ;— что иногда въ преданіи народномъ запаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ Ученаго;— и что въ иномъ пѣснопѣніи нашего просто-народья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ спихопвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, пакъ въ простомъ плодоносномъ цвѣткѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ расписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! „Не только свѣта, что въ обнѣ“⁶⁶ говоришь Украинская пословица.—

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, пропиво-

рѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли всякъ сказать, что въ эпихъ мнѣнїяхъ весьма учено говорится и умно разсуждается объ околичностяхъ; касательно-же сущности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ выключенїемъ одного, не больше истины, какъ и въ разнословїяхъ Лыкописцевъ!

Нѣкоторые Испорики - Крипики (особенно Болшинъ) довольно погуляли надъ иноческимъ мнѣнїемъ среднихъ временъ о происхожденїи Руси отъ Росса, упоминаемаго у Іезекїиля, хотя къ мнѣнїю сему Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но какъ-же они сами, эти нѣкоторые Крипики, какъ вообще Ученые новаго времени рѣшили происхожденїе Руси?

Въ сонмѣ Ученыхъ говорящъ, что Руссы произошли и получили имя *отъ Роксоланъ, отъ Козаръ, отъ Готовъ, отъ Фикновъ, отъ Шведовъ, отъ Скандинавовъ вообще, отъ Русстринговъ или Фрисландцевъ, отъ Словенъ...* Ясное дѣло, что всего этого быть неможеть! И не значить-ли это, въ общемъ ипогѣ мнѣній и голосовъ, что Руссы принадлежатъ къ племени Ноеву, разсѣянному по лицу земли? Арабскій-же писатель Миркондъ именно говоритъ, что Руссы произошли отъ Іафетова сына Росса; а Спрыйковскій про-

изводитиць Словенорусскій народъ отъ шестого сына Іафетова Мосоха и полагають, что Словены назвались *Россыянами* или *Россами* отъ *россыяніа* (52) по многимъ спранамъ. Послѣднее мнѣніе было сильно у насъ распротранено Кіевскимъ Синописомъ, было принято нѣкопорыми Учеными и протшедшаго сполѣшя ... Но чего не принимали Ученые?...

У Словенъ есть еще своенародное, ближайшее къ намъ преданіе о трехъ братьяхъ *Чехъ*, *Лехъ*, *Руссъ* и сеспрѣ ихъ *Вендъ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ Сѣверозападной отротсли Словенскаго племени. Это преданіе Испортиками - Кришиками признано за сказку, и потому опвергнуто... Но что не было ими опвергаемо?...

Развѣ Тапищевъ, вѣруя не только въ Неспорову, но и въ шакъ-называемую Іоакимову Лѣшопись и производя Руссовъ отъ *Финновъ*, не опвергалъ всѣхъ прежнихъ о шомъ мнѣній?

Развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный Паладинъ Русскихъ Лѣшописей, образецъ перпѣній въ прудѣ и неперпимости въ мнѣніи — не исключилъ разныхъ событій, лица

и даже народы изъ Неспоровой Повѣспи, „какъ спарыя и *ведорныя* сказки, какъ новыя *глумы* вспавки и *дурацкія* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки“, коихъ немогъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были *Шеды*? Развѣ не положилъ онъ клеймо опроверженія на Скандинавскія Саги наравнѣ съ Іоакимовою Лѣтописью, кошорую признавалъ даже „споль важный человекъ“ какъ Болпкинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ шериѣнія, не приходилъ въ удивленіе ошъ него, что сей, по словамъ его, величайшій знапокъ Опечесп-венной Испоріи, одинъ между Русскими и Уче-мый, и искусный Крипикъ—могъ думать вмѣстѣ съ Тапищевымъ, что Руссы были Финны, а не *Шеды*!... И не сказалъ-ли онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Русскими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую Испорію, небыло ни одного уче-наго Испорика?... И все пошому, что ни-кто изъ нихъ не держался его *Шедской грамоты!*

А Погодинъ—новый Паломникъ Неспоро-вой Повѣспи, защитникъ ея подлинности ошъ сонроливныхъ оприцаній невѣрующей Крипки и Шлецеровой, и современной—не опровергъ-ли онъ и Шлецерово и Эвер-цово и Нейманово мнѣніе о Руси, нарав-

нѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Русѣ и Прусѣ (55), когда доказывалъ, что Русь есть особое племя *Норманское?*... Онъ говорилъ рѣшительно „что всякій желающій опровергать сіе мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Неспора, не-только что не можешь упоминать его въ свою пользу“.

Но Каченовскій сомнѣвается въ достовѣрности древней Русской Лѣтописи и опровергаетъ подлинность не только ея, но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности; а между тѣмъ не въришь Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варяговъ. Передавшись на спорону Западныхъ писателей, онъ, вмѣсто такъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ Вагровъ (54), какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова,—гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ небыло ни Словенъ, ни Новагорода!...

Наконецъ Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по-Домоносовски — не какъ одно племя или

націю, а какъ военное сбродное новарицеспиво морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываетъ, что Руссы были *Словени Сверхопадные*; но полагаешь, что они „пришедши съ Варягами къ Новгородцамъ, не показывающа болѣе опдѣльною націею въ Испоріи нашего Опечесства; но давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новагорода, Полошска, Смоленска и Росшова.“ —

Такимъ-шо образомъ смѣняюпся и премираюпся испорическія миѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонитъ спарое, пошомъ само спарѣетъ и упадаешъ, а спарое нерѣдко опяшь юнѣетъ, возспаешъ и обновляешъ вѣкъ свой.

Да и не всякая-ли новая система опвергаешъ другую, какъ ложъ и заблужденіе, и что - бы самой пожипъ хотя нѣсколько, обводишъ *мертвою рукою* прежде жившія и процвѣпавшія системы?... Такъ нашъ Сѣверный селянинъ - *огнищанинъ* (55) рубипъ и сжешъ вѣковое дерево, что-бы на его пепелищѣ засѣпъ однолѣпній злакъ свой, и пажипъ свою спавипъ „выше лѣса споячаго!“ И чѣмъ ограниченіе и одностороннѣе, чѣмъ новѣе и живопрепяще система, тѣмъ болѣе пворецъ ея, а и шого болѣе

ея послѣдователи увѣрены, что ею они рѣшили уже все,— и скорѣй они изрѣченіе мудреца „я знаю, что ничего не-знаю“ назовутъ философскою побасенкою, словоизвищемъ любомудрія, чѣмъ согласяся, что ихъ система по-крайней мѣрѣ недоспащана и односпоронна, если не вовсе ложна.—

Не будемъ однако слишкомъ винить Науку, Систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на Природу, Систему Ума Вышшаго. „Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесѣмъ: время раждашия и время умираши; время садиши и время испоргани сажденое!“ (Экклес.)

О всемъ твореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная Природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, переходитъ бытіе; и въ ней одна тварь живетъ на счетъ другой; мѣлкоправчатый мохъ и невидный поросль одолавають, замуравываютъ собою лѣса; на прахъ сѣнелиственнаго дерева возникаетъ давно-заглохшее отъ него зерно правнаго бытія; иногда въ осень разцвѣщаютъ опять цвѣты осенніе,

„А какъ-бы на цвѣты не морозы,
И зимою-бъ цвѣты разцвѣтали!“ ...

Но мы на прежнее возвратимся.—

Что Руссовъ нашихъ не-напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что по-напрасну съ-недавна спали считашь ихъ Скандинавами—это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становился для меня истинною положительною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавшій къ Сѣверозападной отрасли Словенъ. Такимъ образомъ Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ кошоромъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Нестора, получила имя Земля Русская (до той поры называемая Скиѣіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть оплечена истина; а если и была открыта, то опять завѣется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытье!...

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ открытѣе и утвердительнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознание вновь и пробуждаемое нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Нестора до Ломоносова,—которое болѣе полувѣка было заглушено новыми мнѣніями,

народившимися со времени Байера и Тапищева, особенно въ нынѣшнемъ *эпкк системѣ*.—

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти междуособствуютъ, облачаясь взаимными другъ на друга показаніями — и хорошо дѣлаютъ, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводятся другъ въ другѣ темныя пятна и уничтожаются взаимно свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этимъ распрячь и оприцаніямъ не будетъ конца? уже-ли съ этимъ взаимнымъ обличеніемъ и опроверженіемъ должны и кончиться ученія мнѣнія?...

Нельзя подумать, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую бессмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачатки истины глубоко лежатъ въ умѣ и сердцаго человѣка! Поэтому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо

хотѣла опчасни; что большая часть ихъ по служила къ опкрытію истины и назидательна не въ оприцательномъ только или опносительномъ смыслѣ, но и положительнымъ, существеннымъ образомъ. — А если такъ, по каждое изъ нихъ можетъ еще, своею невыдуманною, произвольною спорною, пощупишь въ общую сложность мнѣній, какъ запасъ для построения древнѣйшей Истории Руссовъ и для объясненія ихъ опношеній къ другимъ народамъ; попому, каждое мнѣніе можетъ еще бытъ принято на *новую ученую бесѣду о Руси*, не какъ *цгой*, а какъ *гостъ Русскій*, съ правомъ голоса своего и съ правиломъ Русской пословицы: „по плашью вспрѣчаютъ, по уму провожаютъ.“

Выслушайте каждое изъ нихъ. особо и непредубѣжденно: вамъ представлятъ событія, словопроизводствя, имена, мѣстныя преданія, свидѣтельствя писателей, и съ такою увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею покажется близкое *сродство Руси* — у однихъ съ *Финнами*, у другихъ съ *Козарями*, у прешнихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ съ *Скандинавами* и ш. д., и вы повѣрите, хоть на-время, что у каждого изъ сихъ народовъ почно была древле родная связь съ Русью, и что Руссы могли-бы произойти — опъ каждого изъ нихъ... Но прои-

зойши опять всѣхъ ихъ — неспешивенно! Ибо, по историческому закону образования Природы и разсѣянiя рода человѣческаго, происходятъ виды опять рода, многое опять единого, младшее опять старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому — если доказываешься и принимаешься, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары были *Руссами*, и при каждомъ изъ нихъ повворяешься = *Руси*; то и слѣдовало-бы, кажешься, имя *Руси* принимаешь ихъ *общимъ* и *родовымъ* именемъ, и производишь не *Руссовъ* отъ нихъ, но *ихъ* отъ *Руси*! Пошому, кажешься, и слѣдуетъ предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но въ-послѣдствiи разроднились съ нею, опмѣнились, переименовались и обьособились племеннымъ образомъ. — Вотъ *общая* мысль, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣнiй о происхожденiи Руси, когда проходишь эпо Польтсье или (какъ зовешь его Сѣверцы) эпо *Русскую Палестину*!

И пакъ, если мнѣнiя и гипотезы Ученыхъ объ Руси не считаешь вовсе ложными и неосновательными (а такими считаешь ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно-бы, кажешься, сославивъ *предварительную, общую гипотезу*, въ которую

другія мнѣнія и гипотезы вошли-бы *отъ-
сти*, со своими доказательствами, сообра-
женіями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси
съ прочими народами; въ которой онѣ при-
кнули - бы другъ къ другу не своею край-
нею или особенною, но основною и общемо
спорною, и сошлись-бы въ *Руси*, какъ пле-
мени древнѣмъ и родоначальномъ для мно-
гихъ другихъ народовъ. —

Разумѣется, что и такая согласовка пропи-
воположностей была-бы еще также *гипотеза*,
какъ и другія ученія объ Руси, — и только
имѣли онѣ ихъ отличная, что въ ней бы-
ла-бы одна главная, средопочная, общая мысль,
повторяющаяся и въ другихъ гипотезахъ,
только въ обратномъ видѣ, — что въ кругу ея
другія гипотезы обновились-бы, являясь съ
своей истинной или въролпной спорной, и
приживалась другъ къ другу какъ взаимно не-
обходимые члены одного тѣла. Но въ такомъ
кругу онѣ оспариваются по-прежнему — частными,
односторонними системами, взаимно пропи-
ворѣчивыми и междуособными, искусно оп-
рицающими и зыбко утверждающими; а безъ
главной, связующей мысли, въ своемъ ны-
нѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ клея*
на главоверхомъ теремѣ (44) Русской Ис-
торіи! . . .

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказа-
тельствами о сродствѣ и пожествѣ Руси
съ разными народами, можно на основаніи
оныхъ сдѣлать и попытку такой Общей
предварительной гипотезы объ Руси, на-при-
мѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ:

ОПЫТЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ

О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕНЪ РЮРИКА И ОСКОЛЬДА.

I. *Руссы* или *Россы* (ш. е. красные) составляютъ первый отдѣлъ особаго, ко-
реннаго Древнеазійскаго Іафетова (56) пле-
мени *Нарци* (ш. е. нарицапели, именован-
пели). Объ нихъ упоминается въ Библии подъ
именемъ *Роса*; говорится и въ Коранѣ, какъ
объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ наро-
довъ, по имени *Росъ* или *Расъ*. — Другой
отдѣлъ сего племени составляетъ народъ
Словекскій (ш. е. говорящій), вмѣстѣ съ кошо-
рымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ
съ Индіей: тамъ была сначала Земля Рус-
совъ и Словенъ — *Русъ* и *Славъ*, откуда
потомъ они вышли, разлучились и пере-
шли въ Европу. Словены перешли въ
Европу *Западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ дру-
гими племенами *Пелазгійскими* — *Фракійскимъ*,
Элинскимъ, *Лапинскимъ*, *Галапскимъ* или
Кельпекимъ, *Нѣмецкимъ* или *Тевпонскимъ*);

Руссы перешли изъ Азіи *Сверными* путемъ черезъ Кавказъ; тѣ и другіе за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.—

„Бысть языкъ Словѣнскъ, отъ племени Афешова *Нарци*, еже сушь *Словѣне*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, съли сушь Словѣне по Дунаеву, гдѣ естъ нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ съдше на которомъ мѣстѣ.“ Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкратцѣ расплемененіе Словенъ на разные народы; но подробнаго о томъ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издася свое изслѣдованіе *Спаробышности Словенскихъ* (57). Что касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *Восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовушь обыкновенно *до-историческимъ* и баснословнымъ: и точно онъ наиболѣе *гадательный*, но тѣмъ не менѣе важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можемъ имѣть мѣсто Русская пословица: „догадка лучше разума.“

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для Исторіи періодъ

древнѣйшій и еще весьма предположительный. Это періодъ *расплькнл* Руск по Европѣ и ея расплемененія на разныя народы. — По Гипотезѣ нашей — Русь первобышняя, устремлясь опть Кавказа на Сѣверъ и на Западъ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя опросли.

1. — Первая опросль *Востокнал*, расплемяющаяся на разныя колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и заселивъ Сѣверовостокъ Европы кончается въ Скандинавіи.

а.) Одно колѣно сей Восточно-Русской опросли осшалось на Кавказѣ, между Каспиемъ или моремъ *Хвалыксскимъ* и Понпомъ или моремъ *Русскимъ*, — между рѣкою *Рои* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Донкомъ). Въ-последствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространившихся даже за Волгу до Урала, — и подъ именемъ *Коваръ*, копорые, по сказанію нашей Чешь-Минен, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б.) Второе колѣно Восточно-Русской опросли образуется на Волгѣ въ Руссовъ-Болгаровъ. Одна часть ихъ, Западная или Дунайская, переходяща на Дунай и *приживается* тамъ къ Южной опросли Словенъ. Остальная, Восточная или *Поголомская* часть Болгаръ, раздѣляющаяся на Казанцевъ и Хвалцсовъ, въ-и *им* ошамарилась.

в.) Третье колено Восточно-Русской отрасли (58), скипаясь по проспору Сѣверовостока Русскаго, просперлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана или *Моря-Морога*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилось въ *Чудь благолазую* (какъ зовелся она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣшвей Поволжской Чуди оныиъ возродились и уже обрусѣли, (а *русскія* косы Мордвовъ переходящъ на головы прекрасныхъ Россіанокъ); Чухонская Чудь обнѣмечилась; а Угорская Чудь опшуречилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г.) Четвертое колено Восточно-Русской отрасли соспавляющъ *Готы* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле обнѣмечились (можеть-быть оныиъ Свеоновъ), подобно шому, какъ въ-послѣдствіи обнѣмечились Поморскіе Словены и оспавшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или - же именишосію новыхъ — часпію усопшихъ, часпію живыхъ. За однородство Руси съ Болгарами посшоипъ Венелинъ; сродство Болгаръ съ Чудью подкрѣпляется именишосію нашего Академика-Оріеншалиста; однородство Чуди съ Русью и Словенизмъ въ соспавѣ Венгерскаго народа будеть защищанъ Бушковъ; а за Русь

силъ Свандинавовъ крѣпко спомыть почли
вся современная именишость нашихъ писа-
телей по часпи Русской Исторіи, со времени
ученаго Шлецера. Честъ и слава имъ и ихъ
ученымъ изслѣдованіямъ за сіи опшрышія!

2.—Но „око видитъ далеко, а мысль еще
дальше“ говоритъ пословица Русская, — и вѣ-
щій Ломоносовъ распозналъ еще одну опросль
Руси на Западъ, на Поморіи Балшійскомъ.
Эту Русь слѣдуешь назвашь *коренною*:
ибо не только сама она черезъ много вѣ-
ковъ сохранила памъ свою древнюю поро-
ду, свое красное имя и слово; но вновь пе-
редала ихъ своимъ прежнимъ поколѣніямъ,
покрыла ими поколѣнія Воспочно-Словенскія,
и осѣнила многіе народы мноплеменные. И
только эша коренная Русь могла разроспись
съ шакою могучею, широкою силою!—

— („Краткое Сказаніе старика Наума
о Старобитной Руси“.

„...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ
схвапокъ съ Лукоморскимъ Царемъ Миш-
ридапомъ, большая часпъ старобитныхъ
Руссовъ повинули свое Синее, Русское море,
проспшились съ своею машушкою - Волгою
или старою Росью, съ своею Русскою-рѣ-
кою — шихимъ Дономъ Ивановичемъ, и не-

сказаннымъ Береспиномъ или Днѣпромъ Словупичемъ. И пошли они къ своимъ милымъ ближникамъ и спародавнымъ землякамъ Словенамъ — на Дунай - рѣку (по-старинному Юкау). И прошли они черезъ горы Карпаты или Тапры, а опшпуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское море), на славномъ Русскомъ оспровѣ (Рузѣ или Ругенѣ), по копорому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами. При помѣ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побратался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ; и такимъ образомъ Русъ съ поконовѣнну присвоилась къ побратимству Вендскому или Западно-Словенскому. — Главнымъ жипельспвомъ Руси былъ оспровъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были шакъ славны, что опъ ихъ брали себѣ Князей заморскіе Гошы, съ копорыми щипоносцы наши своими обоюдоосприми мечами погромили Старый Римъ и Царство Гишпанское. — Опъ Одера, по копорому звали Руссовъ Обоприпами или Обродипами, они селились въ Помораніи къ рѣкѣ Вислѣ во второмъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ. По сказанію Лѣпописанья Прусскаго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востокъ

отъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руесомъ, спорона ша Порусьемъ, а народъ ея Прусью. Руссы селились и на Западъ отъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпапамъ и горамъ Полонинымъ (50). За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XIV-го, особая *Руссия*, сопредѣльно Поморяніи. Да по была уже не ша Русь, что въ спародавнїе годы: видно вся Русская сила отшуда съ Княземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу Землю! А до той поры сильна была Русь на Западѣ; могучи были Радогоспъ, Видоміръ, Губъ, Одоакръ и другіе Вишязи Русскіе; и еще за Карла Великаго Имперцы Заодерскую Землю звали *землею страха*. Гдѣ спановились и воевали Руссы, памъ оставляли по себѣ въ памяшь свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ (Русидава, Руссионъ, Россокаспръ, Россемоншь); а на Карпапахъ по сю пору видны *рѣки* или *письмена*, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычники писали и пишущъ имя Руси всякій по-своему: Русаці, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рушиклы, Рудены, Рупены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему слазашъ — *Руссы* или *Россы*.“ —

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе Русси и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь оишь на одномъ, Сѣверномъ Русскомъ (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходяпся въ новое, морское брашство *Сѣверное* или *Норманское*, которое у насъ вспарину называлось *Варлаги*. И здѣсь, въ IX вѣдѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянiя и расплемененiя; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и сшаробытной или древнѣйшей Руси. —

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенiя и просiанiя въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утверждение и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе опшуда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, дословѣрная Исторiя Руси на обновленной ею Русской Землѣ, Исторiя все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ хотя по доказательствамъ и свѣдѣнiямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованiяхъ и частныхъ системахъ. Но — слаще вода изъ са-

маго ключа! Поэтому лучше углубиться въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдать ихъ вновь и сообразишь съ новой точнѣ зрѣнія, при чемъ конечно откроешься и новые родники. — Тогда могло-бы обнаружиться: что слѣдуешь въ древнѣйшую Исторію Руси принявъ какъ достоверную положительность, — что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, — что надо исключить какъ невѣрный вымыселъ или мечту временную и преходящую.

Какой изъ эпитетовъ шрехъ жребіевъ на какое падеть мнѣніе и умозаключеніе — того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно тому, за кѣмъ есть уже своя новая и чистая, уже свершенная, но еще неоправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшишь могутъ только дальнѣйшія, всесторонно-объемлюція ученія изслѣдованія историческихъ событій и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общою мыслию. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувство потребности и желаніе шаковыхъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій „утвержденныхъ въ помѣже разумнѣи и въ той-же мысли“, — безъ чего не можешь быть открыта истина.

Какъ знаешь!... можешь-быть и моему *мысленному древу* Руси не только сужде-

но уцѣлѣшь со всѣми его вѣшьями, но еще и умножишься новыми лѣшпорослями, онѣ будуть изысканій и соображеній!...

Но бышь можешь и то, что лезвие будущаго знанія срѣжешь съ него все вѣшье и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останешся только собшвенная, коренная Русь. Какъ безвѣшвенная, всѣхъ распеній на земли длиннѣйшая пальма-рошанга — *молніевидно* проходишь она съ Воспока черезъ Кавказъ и Карпаты на Поморіе Сѣверозапада; тамъ, въ *лугу запоеднои* (60) пала она передъ своимъ Свѣшвидомъ; и обращась на Воспокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась Креспомъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь воздвиглась Креспомъ Православія, и вспрепенулась Державнымъ Орломъ на Бѣломъ камени Московскомъ!...

Въ такомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы ужалась, сократилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго, и только вровень сошла-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ Опечесивѣ, которое принято мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. — Но для другихъ гипотезъ тогда пришелъ-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси — погнбли-бы *аки Обри!* Тогда и сред-

спво ея съ волшебными Финнами, и поже-
спво ея съ полуночными Скандинавами, какъ
Оссіановскія пѣни съ небосклона нашей Ис-
поріи оплещѣли-бы навѣки въ Скандинав-
скій мрачный рай исключительной храбро-
сти и безконечной брани!... И будущій из-
слѣдователь Испоріи нашей, поминая какъ
свали сія ученія, тогда сказалъ-бы: „древ-
няя мимоидоша...“ Тяжело опспавашъ опъ
привычныхъ понятій, кошорыя иногда на-
глухо сроспаются съ нашею мыслію; но
кто-бы напередъ не пожертвовалъ своимъ
личнымъ мнѣніемъ, не распался съ своею
новою системою, съ любимою мечтою, при
одной мысли, что по будетъ благопріятно
Истинъ, для кошорой и работають Уче-
ные?...

Но—что будетъ, по покажетъ буду-
щее время: „день бо явится!“ Теперь - же,
глядя на пружениковъ Науки, какъ посполи-
но они, при всѣхъ неудачахъ, спремятся
на высоту невѣдомой Истины, можно жа-
лѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь
такой далекій и тернистый, на коемъ не-
избѣжно сполько паденій и заблужденій!

Но всякій пруженикъ Знанія уже упѣ-
шенъ въ сердцѣ своемъ пою самонаградною
Любовью, кошорая спремитъ его къ воз-
вышенной цѣли. Пусть только опложитъ
онъ завреженное самоадѣланіе разума своего

передъ Испиною: ибо Ученый естъ только созерцатель и вѣдатель сущей Испины, а не спрощель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдователь Русскаго Быпописанія помнитъ о той ясной, живой положительноспи, съ какою писана древняя Русская Лѣтопись, — о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ Преподобный Опедъ Быпописанія Русскаго. „Азь грѣшныи Неспоръ, мнѣ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго опца всѣхъ Феодосіа.“ Но умспевенный прудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ познанія о древней Руси, и навсегда оспанешся многоцѣннымъ, несокрушимымъ памяникомъ нашего Быпописанья и Словесноспи, — какъ шѣлесные оспанки безмершнаго инока почивающъ нешлѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ Свяшой колыбели Быпописанія Русскаго! —

8 Нолбръ, 1836.

Примѣчанія.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1.)—Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я раздѣляю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

I. Между восточными или русскими Словенами я различаю:

1.) *Руссовъ Сѣверныхъ*, къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Рускіе*, и *Бѣлоруссы*.

2.) *Руссовъ Южныхъ* или *Украино-Галицкихъ*.—Сообразно сему и прежніе Восточно-Словенскіе народы (упоминаемые Несторомъ и другими) можно раздѣлить (по примѣру К. Калайдовича, 1815) на 1.) *Сѣверновосточныхъ*: Словены Новгородскіе, Кривичи съ Полочанами, Дреговичи. Сюдаже причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ Ляховъ—Радимичи и Вятичи; въ составъ Велико-Руссовъ вошли и Куряне (которые зовутъ себя *Русскими*, отличая тѣмъ себя отъ Малороссіянъ, а потому слово *Русскій* напрасно усвоивается исключительно Бѣлоруссамъ).

2.) *Южновосточныхъ*: Поляны, Сѣверяны съ Суличами, Древляны, Тиверцы и можетъ-быть Бѣлые Хорваты.—

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ раздѣляются на

1.) *Сѣверозападныхъ* или *Вендскихъ*, къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ Моравами) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (съ Мазовшанами или Мазурами, Силезами и съ прежними Лутичами Поморянскими и собственно Поморянами), *Сырбы* или *Венды* (Лузацкіе). Сюдаже я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ *Варяговъ* Словенскаго племени (*Вильковъ* или *Заодерскихъ* *Лутичей*, *Вагровъ* и проч., уже обнѣмчившихся подобно Поморянамъ).—

2.) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ прина-

длежать: Сербы съ прочими Иллирійцами, лорваты или Кроаты, Хорутаны или Винды и Болгары (перешедшіе на Дунай съ Волги. Они первые изъ Словенскихъ народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ книжно-словенской, какъ справедливо у насъ принялъ Востоковъ,—въ *Собр. Слов. Пам.* Кеппена 1827,—и какъ особенно изслѣдовалъ то Венелинъ, составившій и Грамматику языка Болгарскаго, къ сожалѣнію досель неизданную). Книжно-Словенскій языкъ признаетъ Болгарскимъ и самъ Шафарикъ,—отъ котораго и Русскій языкъ отдѣленъ въ особый отдѣлъ отъ языковъ Словенъ Задунайскихъ, съ коими въ одинъ отдѣлъ онъ соединялъ ихъ прежде, по примѣру Добровскаго.—Неудовлетворительность дѣленія, предложеннаго Добровскимъ: на *Сѣверозападный* и *Юго-восточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

(2.) Мнѣніе, что имя Руси принадлежало жителямъ нашего Отечества искони, съ незапамятныхъ временъ, въ настоящее время принимаетъ Венелинъ (*Древн. и нын. Болг.* 1829), признающій Сарматовъ и Гунновъ за-одно съ Руссами, къ коимъ причисляетъ онъ и Болгаръ, называя ихъ Волжскими Руссами—и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносовъ признавалъ не только Варяговъ-Руссовъ съ Балтійскаго Поморія, но и Болгаръ.—Отъ Волги производилъ и названіе *Волынянъ*.—

(3.) Академикъ Байеръ, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на Латинскомъ языкѣ 1735 года, а въ Русскомъ переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. Исторіи Татищева) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣ-

ло слово *Варягъ* въ древней Русской Лѣтописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и Даны; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ,—по Тунману и Шлецеру—*Шведами*.

Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо—съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмѣ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе хотя у него и не очень ученымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковскій*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ *три разсужденія*, напечатанныя 1773 г. *Тредьяковскій*, доказывая по-своему *Словенизмъ* *Варяго-Руссовъ*, имя Варяга распространялъ не только на Скандинавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Несторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, стр. 42 нашего изслѣдованія).— Съ другой стороны—вскорѣ послѣ *Исторіи* Ломоносова издана была наконецъ (1768—84) *Исторія Татищева*, и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господствующимъ между Рускими, особливо въ два послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788).— Самъ издатель *Татищева* трудолюбивый Миллеръ былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое поддержано было и со стороны Князя Щербатова (1770).

Такимъ образомъ до Болтина господствовала старая Русская или Ломоносовская историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ съ Сѣверозапада, съ Поморія Балтійскаго и производящая ее отъ Роксоланъ.— Такое мнѣніе и не могло неимѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи.— Въ-слѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь уже напечатанная была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, „освидѣтельствованная всеми членами Академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумъ, такъ и ни къ чему годности въ слогу.“ Такъ сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси, которое послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже зазорнымъ,—подобно тому, какъ и Татищева Исторія долго, до выхода въ свѣтъ слыла подозрительною.— Несмотря однако на эти дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ, наша историческая Критика начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ Сѣвера, изъ-за Балтійскаго моря—(одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ новыхъ у насъ системъ историческихъ; у каждаго былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева—Болтинъ, потомъ у Байера—Шлецеръ. Потому сперва образовалась школа (Татищевоболтинская) Сѣверно-Финскаго происхожденія Руси; потомъ школа (Байеро—Шлецеровская) Сѣверно-Скандинавскаго происхожденія Руси.

(4.) Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные Ученые иностранные. Въ прошломъ столѣтїи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтїи Венелинъ, Бутковъ, Бодянской опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно—одинъ за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго—что кому надо, смотря по системѣ.

(5.) Татищевское мнѣніе о происхожденїи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году Бутковъ (см. его статью о *Руси и Рюссаландѣ* въ Сынѣ Отг. 1836 N 1), весьма увеличивъ оное присоединенїемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространенїемъ на нее Финскаго родоначалїа.—По-випотезѣ Буткова—кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Рюсами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Рюссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе),—къ Руси причисляются еще: прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморїе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ „узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска*—рыжій, *русый*, *красный*—общій обликъ Финскій—и *лайнъ*, родъ, племя“;—почему и у Татищева: *Финны*: назывались также *Чермными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволожской Чудїи—въ Чувашихъ, Черемисахъ, Мордвѣ—„вѣроятныхъ однородцахъ Роксоланскихъ“—въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную Критиками.—Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содер-

жаніе и объемъ свой началомъ Старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникѣ, дополняетъ его Скандинавскою стихіею Байеровской школы.

(6.)—См. Библ. для Чтенія 1834, N 1 и др.— „Все ускользнуло—по словамъ Сенковскаго—отъ вниманія и проницательности нашихъ Историковъ; все изсякло въ туманъ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.“ Много правды въ укоризнахъ Сенковскаго исторической критикѣ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ Исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмъ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймундовой Саги Летописи Нестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской Исторіи можно изъяснить прямо, истиннѣе и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ коихъ не только не утратилась народность старобытныхъ насельниковъ нашего Отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоеннаго Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для Земли Русской, то вмѣсто „Новой Скандинавіи,“ лучше-бы назвать ее Новымъ *Поморіемъ* (именемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю): и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что „Исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря.“

Что касается до его теоріи Языкознанія, по подобію химической теоріи сродства,—то она хороша въ отношеніи чисто-логическомъ, какъ теорія выведенная умственно и притомъ примѣ-

нительно къ законамъ Естествознанія; но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета—она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это физиологическое претвореніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изясненія историческихъ явленій Руси,—кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности.—

Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять съ коихъ поръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы *общіе* намъ съ Балтійскими Словенами,—и для изясненія сихъ явленій можно, кажется, овсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова не прежде конца XI вѣка*. Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно—*отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія Древней Исторіи нашего Отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое—отрицаніе достоверности и подлинной древности Русской Лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подлогѣ столькихъ памятниковъ!!!

На такомъ отрицаніи положительнаго заложено основаніе, и изъ предположительныхъ утверждений начато построеніе новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою мнѣ представляется система сія, относительно ея основныхъ началъ,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя.—Отрицательное ученіе Каченовскаго о Древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго. Ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ Исторіи и предается Сагамъ, кои Шлецеръ выбрасывалъ изъ Русской Исторіи, какъ „Исландскія бредни“. Но послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецеру о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности; по Сенковскому— въ Древней Русской Исторіи *все Скандинавія!*— Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новагорода—Балтійскихъ *Словенъ-Вагровъ* (подобно Герберштейну), для Кіева—Черноморскую *Азіатскую Русь* (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей Исторіи). Но отрицательный духъ Шлецеровскаго критицизма Каченовскій распространяетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности; по его системѣ—*ничего нѣтъ Скандинавскаго* въ нашей Древней Исторіи, да и сама она вся—почти сказка! (см. Прим. 14)

Вотъ двѣ новѣйшія *противоположности*, въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ другими началами прежнихъ источниковъ нашей Исторіи.

(7.) По Нестору начало Русской Земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе понимали.—Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Нормановъ 852 г. *in fines Slavorum* не совпадаетъ съ началомъ прозванія Земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской Земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Михаила. См. о семъ Критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія *о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

(8.) Отрицательная критика Шлецера и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Дира въ нашествіи Руси на Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византіяцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умамчиваютъ объ этихъ Кіевскихъ Князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хотъ другаго могли-бы именовать Византіяцы. Но они говорятъ только вообще о Руссахъ, не называя никого лично, по имени—или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ не рѣдкое явленіе въ Лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ симъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ по-имени ни одного Ружанина. Арабскіе Историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ Лѣтописяхъ нерѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка Георгій (Гамартолъ или Грышный) упоминаетъ Оскольда и Дира, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникъ*, который на-

вѣстенъ былъ Нестору; но Георгіева Лѣтопись намъ извѣстна только въ Словенскомъ переводѣ, и потому неизвѣстно находятся-ли имена Оскольда и Дира въ подлинникъ Греческомъ. Впрочемъ, сказаніе Несторова о сихъ двухъ первыхъ на Руси Христіанскихъ страдальцахъ и Князьяхъ хотя и коротко, но столь опредѣлительно и ясно въ своихъ подробностяхъ, что сомнѣваться въ правдѣ онаго еще болѣе несправедливо, чѣмъ имя Дира признавать нарицательнымъ словомъ (*воевода*), какъ доказывалъ Байеръ. Дѣянія Оскольда и Дира съ сосѣдними народами и ихъ сношенія съ Византіяцами подлежатъ не отрицаніямъ, но еще новымъ соображеніямъ, послѣ которыхъ, мнѣ кажется, они представились-бы въ большей обширности.

(9.) „Россы (говорить Фотій) славные жестоко-стию, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперією Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и Священника, имѣя живое усердіе къ Богослуженію Христіанскому (И. Г. Р Т. 1 стр. 119). Василій Македонянинъ, по свидѣтельству Византіяцевъ, также послалъ къ нимъ *Михаила* Епископа, посвященнаго Патріархомъ Игнатіемъ (что было около 867 г.).

(10.) Когда именно Россія причислена къ Греко-Восточной Церкви?—Во время Льва Премудраго около 891 г. Россія считалась уже 60-ю Церковью или *Митрополією*, подлежащею Патріарху Константинопольскому,—какъ видно изъ росписи, находящейся у Кадина, сохранившейся и у насъ въ Софійскомъ и другихъ Временникахъ подъ именемъ *устава Льва Премудраго о Митрополіяхъ, подлежащихъ Патріарху Константинопольскому.*

Но какъ и отъ Фотія, и отъ Игнатія были уже Епископы въ Русь, то вѣроятно она была причислена подъ власть Патріаршескую съ 866 года.—

(11.) Въ началѣ Ипатьевскаго списка (*Кіевской Лѣтописи*) помѣщена перечень Князей Кіевскихъ, гдѣ говорится: „первѣе начаста княжити въ Кіевъ Дирь и Оскольдъ, одно княженіе; а по нею Олегъ“—и т. д.

(12.) О семъ договорѣ съ Руссами упоминается у Византійскихъ писателей, а именно въ Житіи Василя Македонянина; но вѣроятно сей договоръ былъ не письменный, а только *простословесный*. Эти первыя сношенія Руси съ Царь-городомъ, о коихъ извлеченія находятся и въ нашемъ позднѣйшемъ Лѣтописаніи, кои такъ важны для Бытописанія нашего вообще и въ особенности относительно введенія у насъ Христіанской Вѣры,—заслуживаютъ новаго и подробнѣйшаго изслѣдованія, какъ сказано выше (Прим. 8).

(13.) Черное море у Нестора называется *Понтомъ*, моремъ *Понетскимъ* и *Рускимъ*; въ Пѣсни Игорю называется оно *Ситимъ моремъ* (какъ у Турковъ Азовское или *Сурожское*); но въ Украинскихъ пѣсняхъ уже *Чернымъ моремъ*. Когда именно вошло у насъ это последнее имя?—Что касается до Запорожскихъ Козаковъ, то названіе Чернаго моря они безъ-сомнѣнія переняли у Татаръ; Горцы и Крымцы и теперь зовутъ его по-Татарски *Кара-Тэнгизъ*.

(14.) Документально въ *Договорѣ съ Греками* 912 года.—Сей древнѣйшій памятникъ Русскаго языка и законоположенія, сохраненный въ спискахъ Несторовой Лѣтописи, весьма важенъ въ

многоразличныхъ отношенійхъ для нашей Истории. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва „загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерова списка кораблей“, а потомъ и поддѣлкою XIII или XIV вѣка; но послѣдовавшія ученыя изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.), уже рѣшили это достаточно. — Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу Западному, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о Древней Руси*, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера). Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ, — именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемыя разными доказательствами, направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ. — Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности Договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ, — я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*. — Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполне справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ и направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе, — усиленіемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую дѣйствительность и достовѣрность. — Не-знаю, устроится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя

коей отвергаетъ она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ, случайныхъ подробностяхъ (см. для примѣра Прим. 35), чѣмъ проникаетъ въ ихъ сущность и общую цѣлость.—Но скептицизмомъ система сія прослыла не-даромъ: ибо „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“ есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мнительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго критицизма* Шлецера (см. Примѣч. 6.). Но Шлецеръ, хотя часто небрежно и своенравно обходился съ Повѣстью Несторовой,—хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ; однако видѣлъ все достоинство Несторовой Повѣсти и важность ея для Древней Исторіи не только Русской, но и вообще Сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ея.—Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашелъ въ Несторовой Повѣсти богатый источникъ истины для Исторіи самаго Законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достоверность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библ. для Чт. 1834-35).—Чѣмъ болѣе раскрывается наша Древняя Исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и *достоверность древней Русской Лѣтописи* и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными Лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ. Но это самое достоинство ея и обратило противъ

ней отрицательную систему, а вмѣстѣ съ нею и противу всей Древности Русской.

—Невозможно, говорить, что-бы Несторъ—Кіевскій монахъ, въ XI вѣкѣ—могъ написать Летопись довольно стройную и несомнѣн чуждую соображенія! Невѣроятно, чтобы онъ—въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время—имѣлъ такія свѣденія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣденій, а притомъ иноземцы о многомъ повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской Летописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ!*—Но вмѣсто того, что-бы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся еще недоразумѣній, предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ,—отрицательная система отвергла самое явленіе: Летописи Нестора она отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовернымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка,—будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новгородскому!—

И на такомъ-то основаніи почти вся Древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея Словесности, заподозрена въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умысленномъ подмогѣ, въ перемѣненіяхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмонда, Адама Бременскаго).—Въ-слѣдствіе того—Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Диръ, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, о Го-

отъмыслъ и Вадимъ) — признаны за лица баснословныя! Завладѣніе Новгородской земли Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ Земли Русской, о походахъ Вичаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и Его родоначалѣмъ Полоцкихъ Князей — вымыслы! Путешествіе Св. Ольги на Сѣверь, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новѣгородѣ, Русская Правда и самое бытіе Новгорода до конца XI вѣка — все это должны быть умышленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новгородцевъ! *Небывалые-же и нестоющіе критики* Договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ Церковныхъ Уставахъ Владиміра и Ярослава) — то-же Новгородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю — это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ Лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, что бы у насъ она явилась въ то время —, когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцонъ? "... —

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымыслъ Исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! Предполагая возможность поддѣлки памятниковъ столь похожихъ на истинныя и подлинныя, столь согласныхъ съ неоспоримыми останками нашей Древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!! — И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему, замыслили о потомствѣ?... И въ концѣхъ...

тогда столько знанія и умѣнья: уже-ли въ промышленникъ Новгородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ помятіе о Старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

Средство *всеобщаго* подлога *литературнаго* для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ,—и цѣлая система столь искуснаго вымысла столькохъ памятниковъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явленіемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и безпримѣрнымъ, гораздо менѣе вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго!—

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замышленій менѣе обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ не признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературныя подлоги: но кто-же вѣрить, на-примѣръ, въ подлинность Іоакимовой Лѣтописи, Гимновъ Болновыхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: „*errare humanum est*“ говорили Латинцы; но по Русской пословицѣ „ошибка въ фальшь не ставится“.—И если Древняя Русь въ XI и началѣ XII вѣка не была дикою

степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія,—если она съ принятіемъ Православія скорѣе другихъ просіяла — было и кой-въ-чемъ упредила современный ей Западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отречься отъ того и наводить сомнѣніе на Древнюю жизнь Руся. Созданія думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недовѣрчивая, со всею силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея Исторію, опровергнуть памятниковъ ея Словесности. Вѣрно могли ихъ написать когда *написали!*.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣрить можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, суетвѣріемъ, старовѣрствомъ и предразсудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомнѣнна „польза изученія Русской Исторіи въ связи со Всеобщею“, то это изученіе должно-бы привести не къ отрицанію нашей Древней Исторіи, а къ открытію 1) того общаго *соотвѣтствія и подобія* историческихъ явленій, съ какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ Востокъ и Европейскомъ Западъ, 2) *тѣхъ особенностей*, съ какими —въ тѣхъ-же соотвѣтственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ —человѣческая жизнь *здѣсь и тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.—

(15.) По Ипатьевскому списку.—Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *всѣ, вси*, такъ часто встрѣчающимся въ Лѣтописи при Кривичахъ, надо разумѣть Чудской народъ *Весь*.

(16.) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ*, я считаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ, не-задолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ и Ружане (съ ближайшими къ нимъ *За-одерскими Словенами*)—какъ между собою, такъ и къ *Лотарю*.

Тогда можетъ-быть объяснилось-бы виднѣе, почему *Варяги-Руссы* покидали край свой и почему они соединились именно съ *Рюрикомъ*; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у *Нестора*, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что *Рюрикъ* былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ *Новгородской земли* (по *Миллеру*, *Шлецеру*, *Крузе*)—предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе *Варяговъ* изъ за-морья предполагается учиненнымъ дружиною Рюрика съ береговъ *Шведскихъ* (изъ *Бирки*).—Впрочемъ если бы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно Рюрика; все-же посольство къ *Варяго-Руссамъ* и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія Рюрикова, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое*.

(17.) Выраженіе весьма употребительное у *Пѣвца Игоря*, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица—*Бояна*, *Всеслава*, *Игоря*. „*Всеславъ* Князь людемъ судяше, Княземъ грады рдяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше . . . великому *Хрѣсови* влъкомъ путь прерыскаше.“ Къ Рюрику я примѣнилъ его и потому, что *Нормановъ* называли *варграми* (*Wargr*) т. е. *волками*,—откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно произво-

дять (Прим. 33) слово *Варязъ* однозначительное съ *Норманомъ* (стр. 40). Въ такомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Лутичи (т. е. лютые) названы *Вильками* т. е. волками, и этимъ именемъ (*Вильци* или *Вильки*) величали ихъ—по Гельмольду—, а fortitudine“. По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варганъ-Словенамъ*) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

(18.) Въ этомъ убѣждаюсь я статью Крузе о происхожденіи Рюрика, помѣщенной въ Ж. М. Нар. Пр. 1836 N 1.—Тождество Рюрика съ Рѣрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачнѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидно въ Россіи, Рѣрикъ является завоевателемъ въ Германіи,—когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія Лѣтописи;—слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрикѣ было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только домашними и положительными извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ Западныхъ источниковъ и даже своенародныхъ преданій, по которымъ Несторъ могъ-бы распространить свою Повѣсть о древнемъ Князѣ,—какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой Лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новгородской.—

(19.) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіяны или Ружаны называются у нѣ

писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а островъ Ругешъ— Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть какъ разнообразится одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.—

Тагищевъ (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ 1-мъ Адальберта къ *Руссамъ*, надо разумѣть *Ругіанъ*.—Карамзинъ находилъ въ рояльнѣмъ мнѣніе *ученаго Ассеманн*, что въ словахъ Регинава продолжателя „*Helena Reginae Rugorum*,“ должно читать *Russorum*; а въ назначеніи Адальберта—вмѣсто *Russorum*-надо разумѣть (вопреки Шлецеру) *Rugorum*, — и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли *Rugia*, а написали *Russia*! (Т. I. Пр. 395).—Напротивъ Шлецеръ, доказывая, что не только Елена Царица Ругійская была наша Княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ Епископомъ, говоритъ такъ: „что *Rugi* значать *Руссы*—это вѣрно; ибо глупость писателей временниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна.... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіанами считалъ жителей Ругена, не стоятъ опроверженія.“ (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ *Rugi* и *Rugia* въ слова *Russi* и *Russia* кажется „вольностью тогдашнихъ грамотѣевъ“; а *Руссія*, со-предѣльная *Помераніи* (по жизнеописателю Еп. Оттона, 1124) „представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха“ (въ которомъ она часто раздавалась!)—Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя *Руси* у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства (Дитм., Ламб. и многіе др.): но— „хоть знаю, да не вѣрю!“ ...

Здѣсь можно вспомнить и то, какъ розно писали имя нашего Отечества: Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen... Подобно сему и Пруссію называли Pruzia, Pruzzia, Prussia, Borussia, Prucia, Pruthenia, Preussen. Шлецеръ не безъ основанія очень сѣтовалъ на таковыя варіаціи.—

Что касается до Ружанъ, то Пресвитеръ Гельмольдъ (1170 года), въ своей *Хроникъ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ на-примѣръ:

„*Раны или Ругіаны, народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя Царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, по близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ.*“ (Гл. 1.)

„*Ругіаны народъ жестокій, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя Царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбиновъ . . .*“ (Гл. 37).—

(Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года, въ Примѣч. 9.).

(20.) Въ *Примѣчаніи о происхожденіи Руссовъ* къ изданному имъ сего 1836 года переводу Рейцова сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ*. Обращаю вниманіе Читателей моихъ на *Примѣчанія Морошкина относительно Руссовъ и Варяговъ*, гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремлясь по слѣдамъ Кашенов-

скаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ Западныхъ источникахъ.— Тамъ-же читатели найдутъ Примѣчаніе и о Русской Правдѣ, о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утверженіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ I былъ Законодателемъ Суда Церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ Законодателемъ Церковнаго Суда. При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась письменнымъ памятникомъ нашего Законодательства,—мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составила въ Кіевѣ еще до Ярослава,—вѣроятно при Владимірѣ: ибо—отъ него у насъ было уже письменное Законодательство Церковнаго Суда и Завѣта о десятинахъ; „Бѣ-бо Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставъ земленѣмъ.“ (Лавр. Сп.)

(21.) Изъ Ипатьевского и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ—объ Рюриковомъ мѣстопробываніи, а равно и о построеніи Ладоги—пропускъ.

(22.) Ошибка произошла и отъ того, что между словами „Руская земля, Новугородци“ не было поставлено *запятой*. Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ изданъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

(23.) Родъ значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ однородцевъ, земляковъ—съ той же родины, и даже

въ значеніи народа, на-примѣръ: „Роди, нарицаеміи Руси...“ Слѣдующія за ними (въ Никоновской Лѣтописи и Степенной Книгѣ) слова—„...иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ“—послужили основаніемъ для третьей изъ новыхъ историческихъ школъ (какъ сказалъ я въ Примѣчаніи 26).—Но эти слова, безъ сомнѣнія, взяты изъ какого нибудь Византійца, какъ видно уже по именамъ *Ексинопонтъ* и *Кумани*,—и можно думать, что они принадлежатъ писателю того времени, когда у Византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*, которыми онъ—разсказывая о нападеніи прежнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мирномъ договорѣ съ ними Василія Македонянина и ихъ преложеніи на Христіанство—цоясняетъ Черноморское пребываніе и варварство этихъ *Дромитовъ*—обладателей *Ахиллесова быга*, а по Льву Діакону—одноземцевъ *Ахиллесовыхъ*, такихъ-же голубокихъ, красноволосяхъ и быстроногихъ. Впрочемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ*—съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе Византійцы называли сихъ-же (*Оскольдовыхъ*) и Святославовыхъ Руссовъ Скиѣами Таврійскими, а иные Франками,—и съ довольною близостью къ Шлецеру мнѣнію о Руссахъ 866 года.—Но Шлецеровъ выводъ изъ этого одного мѣста Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, будто и сами Рускіе въ XV вѣкѣ считали прежнихъ Руссовъ *Куманами* или *Половцѣми* столь-же основателенъ, какъ и его заключеніе—изъ приводимыхъ Шведскими Историками словъ Новгородскаго Архимандрита Кириана—будто и сами Рускіе въ началѣ XVII вѣка считали Руссовъ *Шведами* (см. Прим. 53). И Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣніе, что Руссы были Куманы, сражался съ собственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныя слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ея подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстіи, которое по ея-же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще*—какъ Лѣтопись Русская, *недостовѣрно и въ особенности*—какъ извѣстіе исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ *Князьями сихъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и Диръ—лица баснословныя и вымышленныя Новгородцами, по утверженію сей системы! Какъ-же ей полагаться на такое мѣсто?... Но—стало и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ *недостовѣрныхъ*, особливо для оправданія своего мнѣнія,—можно и среди баснословія отыскивать истину, или то, чему надо быть истиною для своей системы!.... А между тѣмъ Южная Русь, особливо въ Козачествѣ, дѣйствительно представляетъ въ стихіяхъ жизни своей много *Азіатскаго, наѣздническаго, Черкесскаго* (а). Да и въ Древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начинается еще при Воинственникѣ Святославѣ, который „за Порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою—сей *первообразъ* головъ Козацкихъ“ (б).—Но уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихіи—въ жизни этихъ Черноморскихъ или Южныхъ Руссовъ—Словенъ—нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торками и Черкесами Кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варяга ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Чер-

кесовъ (=Косоги) причислялъ къ народамъ племени Словейскаго.—

(а) Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Каченовскаго, при первомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсень* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникъ Европы (1827. \ 15), гдѣ мысли мои о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытъ и составъ Украинцевъ Издатель почтилъ своимъ подтвердительнымъ Примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакѣхъ и Черкесахъ (Т. V. стр. 393 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня утвердило въ прежнихъ моихъ мысляхъ.

(б) Повторяю сказанное мною во второмъ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень*, 1834 года,—на стран. 67.

(24.) Умноженіе Руссовъ въ Кіевской Землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ),—и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра (примѣч. 27) были поселеніемъ сихъ выходцевъ.—Съ предположеніемъ сего *очень вѣроятнаго* переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и умноженіе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царьгородской (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игора!*)

(25.) Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казарь, кажется, дѣло весьма естественное и возможное,—хотя о томъ молчатъ Русскія Лѣтописи, кромѣ одной, на которую однако-же, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не-ссылаться. Я разумью такъ-называемую Іоакимову Лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ—въ Исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ со-

ображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Оскольдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и со-
„бравъ вой, *повоева перьше Козарь*, потомъ иде въ
„ладіяхъ ко Царюграду, но буря разби на морь
„корабли его“ (Тат. I. стр. 35). Пусть это даже
вымысль, составленный по соображенію сочи-
телемъ Лѣтописи: только онъ очень правдопо-
добенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только
предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе се-
бя, скажу и здѣсь, что великій произволъ кри-
тики Шлецеровской палъ на всѣ дѣянія Осколь-
да, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ
сказанному о семъ въ Примѣчаніи 8-мъ, прибав-
лю слѣдующія замѣчанія.

1.) Только въ Архангелогородскомъ Лѣтопис-
цѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ „не даль
ни града ни села“: Шлецеръ слова сіи включилъ
даже въ самый текстъ Несторовъ. А почему? Шле-
церъ „очень радъ, что Архангелогородскій Лѣ-
тописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ
въ достовѣрность“! Здѣсь Критикъ подумать не за-
хотѣлъ, чтобы это могло быть собственною до-
гадкою Лѣтописца, которая могла у него родить-
ся, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ горо-
довъ мужамъ своимъ.

2.) Въ Никоновской Лѣтописи есть дополни-
тельное извѣстіе къ походу Оскольда и Дира на
Царьгородъ 866 года. „Въ лѣто 867 возврати-
шася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмале
дружине, и бысть въ Кіевѣ плачь велій.“ Это
извѣстіе, здѣсь опредѣленно чѣмъ гдѣ-либо
сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собствен-
нымъ изобрѣтеніемъ Лѣтописца, которое онъ лег-
ко могъ предположить и исчислить изъ преды-
дущаго, даже въ назначеніи 867 года! А по-
чему? Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Осколь-
да и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!

3.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына,— подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Диромъ. — За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ нигдѣ болѣе неупоминаемая, виновата, Никоновская Лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера „непонятно и невѣроятно“; а второе показалось ему „страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи“— потому будто, что въ спискахъ Несторовой Лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: Печенѣги *придоша первое на Русь* при Игорѣ 915 года;— между тѣмъ какъ въ Никоновской Лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и не *близь Кіева*; притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ)—Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Обровъ: „По сихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ.“

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній; но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными,— не могу не указать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на произволѣ критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ, въ *утвержденіи*—а именно:

4.) Въ той-же Никоновской Лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новгородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его советниковъ, (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многихъ Новгородскихъ мужей.— Эти три извѣстія Никоновской Лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже, какъ „от-

мѣнно важныя“ и, подобно Миллеру, выводить изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новгородцевъ и проч. Всѣ эти три извѣстія также пропущены въ другихъ Лѣтописяхъ нашихъ: но здѣсь, по суду Шлецерову, виноваты уже *трусливые переписчики*, которые (всѣ!) съ умысломъ это выпустили и скрыли!!—(Нест. Ч. 1. 358).

(26) Странная участь этихъ *Черноморскихъ Руссовъ-Азіатцевъ* въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ *мечта* являются съ Юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ Сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ *дѣйствительная сущность* принимаются первыми отрицателями прішествія Руси съ Сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси Байеръ принялъ-было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Киликіи; но потомъ самъ же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ Университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за *особый Черноморскій Таврическій народъ*, принадлежавшій къ особому *Кавказскому* или *Горскому* племени— древнихъ *Лазовъ*. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи Заслуженнымъ Профессоромъ *Чеботаревымъ* (а), который былъ основателемъ и предсѣдателемъ *Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* при Московскомъ Университетѣ, — котораго Шлецеръ называлъ „своимъ руководителемъ въ Русской Исторіи“.— Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому хотя и принялъ *Черноморскихъ Руссовъ* сво-

его руководителя, но только какъ громовой от-
водъ для своей Шведской Руси,— и до того ли-
шилъ ихъ всякой опредѣленности, что послѣдо-
ватель Скандинавскаго-же ученія Крузе—Шлеце-
рово мнѣніе о Черноморскихъ Россахъ назвалъ
„мечтою, незаслуживающею даже опроверже-
нія“ (Ж. М. Н. Пр. N 6.). И въ самомъ дѣлѣ—
Черноморскіе Руссы, по представленію ихъ Шле-
церу, не болѣе какъ призракъ или мечта, отъ
которой самъ онъ зачуралъ Русскую Исторію! Ибо
хотя онъ и представляетъ ихъ какъ народъ „силь-
ный, великій, завоевательный, давно уже извѣст-
ный и приводившій въ ужасъ всѣ берега Чер-
наго моря,“—хотя рѣшительно отрицаетъ, что
они не могли быть ни *Арабами*, ни *Козарами*,
ни *Куманами*; однако этотъ особый народъ ка-
зался ему „неизвѣстною ордою Варваровъ, ко-
торая показала на Западъ и исчезла;—шла съ
Востока, но неизвѣстно откуда; названа въ Царь-
городѣ Россами, но неизвѣстно почему; прогна-
на въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣ-
щеніемъ или храбростію, но случаемъ только, и
неизвѣстно куда— и не появлялась никогда послѣ
въ Исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ *Рос-
совъ*! (Прим. 24) Самое его различіе этихъ *Россовъ*
отъ нашихъ *Руссовъ*, по буквамъ о и у, также
не болѣе какъ слуховой обманъ: *Куманы* также
называются *Команами*; а притомъ пресловутые
Свеоны Бертинскихъ Лѣтописей называются въ
нихъ также *Россами*, и между тѣмъ они составля-
ютъ одно изъ трехъ Шлецеровыхъ доказательствъ
мнимаго тождества нашихъ *Руссовъ* со *Шведа-
ми*! При всемъ томъ Шлецеръ увѣренъ былъ,
что онъ „ясно доказалъ, будто Несторъ ошибся,
различа *Руссовъ* отъ *Шведовъ* и несправедливо пе-
ремѣшавъ *Византійскихъ Россовъ* съ своими *Рус-
сами*“.—Онъ говорилъ еще, что „этимъ Черно-
морскимъ Руссамъ надобно быть или Скиѣами,

или Сарматами, или Словенами“—говорилъ это въ насмѣшку надъ „любимою мечтою Русскихъ Историковъ“—сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской Исторіи (до его времени) — „царствуетъ неученая фантазія.“—И такъ Шлецеру казалось странною мечтою мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, вѣковымъ повѣрьемъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно—возникшая изъ сущест-
 вительности: потому и обращается опять въ дѣй-
 ствительность. Шлецерово-же мнѣніе хотя было плодомъ и ученой фантазіи его; однако теперь называется мечтою отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси;—и когда онъ зарекается о Черноморскихъ Россахъ не упоминать въ Русской Исторіи, то мечта его походить на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ Южнымъ Руссамъ-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о Сѣверныхъ Руссахъ - Скандинавахъ запечатлѣтъ отрицаніемъ и признаетъ мечтою, -ко-
 торая для системы его будетъ какъ электрическій ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

И въ самомъ дѣлѣ незамедлила собраться третья новая школа, противоположная двумъ первымъ новымъ школамъ историческимъ (Примѣч. 3), коея об-
 щій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрицая пришествіе къ намъ Руси не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ Сѣвера и отъ Балтійскаго моря,—ведетъ ее къ намъ пря-
 мо съ Юга, съ Черноморія, черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою Лѣтописью (см. Прим. 23), гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были „Роди нарицаеміи

Руси, иже и *Кумани*, живяху въ *Ексинопонтѣ*“ и что *Василій Македонянинъ* сотворилъ мирное устройство съ сими *Руссами* и преложилъ ихъ на *Христіанство*.—Выходя отсюда, *Чеботаревъ* полагаетъ, что, при походѣ *Оскольда* съ *Кіевскими Словенами* и *Варягами* изъ *Кіева*, пристали къ нему и *Руссы*, жившіе при *Черномъ морѣ* въ *Крыму*, (какъ нѣкогда приставали къ *Атиллѣ*, противъ общаго непріятеля),—и послѣ возвращенія ихъ *Князей* (*Никон. Лѣтоп.*), они присоединились къ *Кіевскому Княженію*, и *Греки* стали называть уже цѣлое Государство *Русью*, по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между *Словенами*. Этихъ *Руссовъ* и *Кумановъ* онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ коему причисляетъ *Козаровъ*, *Болгаровъ* древнихъ и *Алановъ*, посредствомъ коихъ всѣ они примкнуты къ древнимъ *Лазамъ* или нынѣшнимъ *Лезгинамъ*. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самаго начала третья школа, которую—въ общей Системѣ ученій о *Руси*—я поставляю въ особый *Южный разрядъ системъ*, и въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означую именовемъ *Сѣвернаго разряда*. Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ сопротивникомъ *Шлецерова* ученія о *Руссахъ-Шведахъ* былъ *Эверсъ*, который признавалъ *Черноморскихъ Руссовъ* за *Козаровъ*,—какъ думалъ еще прежде *Лекіенъ*, производившій впрочемъ *Руссовъ* по-старинному отъ *Роса* и *Роксоланъ*.—По слѣдамъ *Эверса*, это ученіе о пришествіи къ намъ *Руси* прямо съ *Черноморія* поддерживалъ *Нейманъ*, который отвергалъ *Скандинавское* происхожденіе *Руси* на основаніи *Нестора* (также какъ и *Эверсъ*), но принималъ *Руссовъ* за давній *Черноморскій* народъ—только не *Азіатскаго* племени, какъ думали *Чеботаревъ*,

Шлецеръ и Эверсъ; но однородный съ древними Скандинавами,— что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Нейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы,— какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланахъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ попятный шагъ отъ искомой истины.— Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ Сѣвернаго происхожденія Руси,— придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о Древней Руси вообще и о древности нашего Новгородскаго Сѣвера въ-особенности; Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новалъ школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*,—отъ принятія въ себя и чрезмѣрнаго усиленія духа критицизма Шлецероваго (о чемъ см. Примѣч. 3 и 14),— который сопутствуетъ ей даже и въ поворотномъ ея направленіи къ искомой истинѣ—въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи—у Гельмольда и вообще Западныхъ писателей. Система Каченовскаго показалась еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его С. Строева, Ключникова, Перемышлевскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); от-носительно-же происхожденія Руси и ея рас-

пространенія изъ Кіева (Прим. 42)— сіе ученіе подробно изложилъ Бодянскій (въ *Сынъ От.* 1835), который, принимая Черноморскихъ Русовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ неперешедшимъ на Западъ остаткомъ *Роксоланъ*. Такимъ образомъ и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу Старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы,—къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова (Примѣч. 4).

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *два первыя новыя* историческія школы съ *третьею новою*,—представительница Старой Русской школы Система Ломоносовская занимаетъ *середину*, которая, предупредивъ собою объ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *Балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее съ *Сѣверо-Запада* чрезъ *Новгородъ*; но начало ея полагаетъ на нашемъ *Юго-Востоку*: мысль, до которой достигла уже школа Финляндской Руси,—мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школахъ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ нашемъ Отецествѣ, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же Южному разряду системъ историческихъ: ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за Словенъ Прибалтійскихъ (54), и Русь представляется такъ-сказать въ Азіатскомъ свѣтѣ отъ Козаръ, Гунновъ, Аваровъ или Обровъ, принимаемыхъ систематикомъ за-одно съ *Болгарами*, кои у

него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и *Роксоланы*. Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелинъ, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго*; и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ Старой Русской школѣ изъ Южнаго разряда новыхъ системъ, который она примыкаетъ собою къ Старой Русской школѣ съ Юго-восточной ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семъ она составляетъ собою особый отдѣлъ противоположный отрицательной системѣ Каченовскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Новагорода, умаляя до возможной степени предѣлы онаго извѣстные исторически; напротивъ система Венелина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы онаго и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то впаденіе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означилась возвращеніемъ къ давнему, теплomu вѣрованію *общественнаго чelовѣка* въ живыя историческія преданія, въ народныя пѣснопѣнія и особенно повѣсти или сказанія (Саги), до *похоранъ* Исторіи подъ письменнымъ Летописаньемъ! Но поворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *Сѣверозападной* стороны) сдѣлавъ еще Карамзинымъ (стр. 12). Незабвенный Историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому хотя онъ уступилъ Систематику-Шлеце-

ру и призналъ основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русь были родомъ изъ Шведскаго Рослагена; однако не отвергъ и пребыванія ихъ на Сѣверо-Западѣ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новгородскимъ и тѣмъ удобнѣе примѣняться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).—

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

(а) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой—составлялъ *Выписки* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ Лѣтописей, послужившія основаніемъ для Ея *Записокъ касательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 г.). Сямъ дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Барсовымъ ученикомъ и наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова, по выраженію незабвеннаго Мурзавѣва.—Въ жизнеописаніи Чеботарева (см. изданія Моск. Общ. Любит. Росс. Словесд. Рѣчи, произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М.: У. Рускими Профессорами онаго, Ч. I. 1819) говорится объ ненапечатанной *Русской Исторіи*, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Грець (въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Литературы* 1822 г.). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей—М. В. Могилянскаго,—откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси; кажется ему первому и принадлежащее, но доселѣ еще ему неусвоенное.—

(27.) Рѣчка *Рось*, названная *Русью* въ Софійскомъ Времснникѣ и въ одной изъ Украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской Губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ, противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Ковержина; рѣчка *Росава* впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ.—Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулю, Посемью, Поволожью); а жители оныхъ мѣстъ—*Поросьянами* или

Порсянами. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году „Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грады Червенскіе опять, и повоеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣливше я, Ярославъ посади я по Рси, идѣ-же суть и до сего дне.“ Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области („Торки Переяславстѣи“). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки.—(О мѣстныхъ названіяхъ Торковъ и прочихъ, равно Козаръ, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).—

Кромѣ Роси, въ Днѣпрѣ втекаетъ еще (въ Екатеринбургскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполь.— Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рымьска (Курской губерніи).—

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ мѣстныхъ именъ рѣкъ, урочищъ—въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему),—онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Неменя издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъ-сомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ*?

(28.) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря кое-что прибавлено Несторомъ изъ *патріо-*

тизма; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему Лѣтописателю)—кажется не изъ патріотизма!

(29.) Не знаю, назывались-ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простереться имя Руси на Болгарь.

(30.) „Се-бо токмо Словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляче, Деревляне, Новгородци“... (*Лавр. Сп.*)

(31.) Собирательное имя народа—*Русь*, какъ *Чудь*, *Серебь*; а единичное—*Русинъ*, какъ *Чудинъ*, *Болгаринъ*, *Сербинъ* или *Серблянинъ*; но во множественномъ не *Русины*, а *Руссы* (Кіев. Лѣт.) и *Русичи*. (Пѣснь Игорю), какъ Чуди, Сербы, Болгары. Такъ говорится *Татаринъ*, *Татары*; а въ собирательномъ смыслѣ по-Украински говорится *Татарва*.

(32.) Такими-же корыстниками и головорѣзками представляются Варяги Норвежскіе, съ Коцунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *Сагу Эймундову*, дѣйствительно важную для нашей Исторіи: временъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

(33.) Было-ли племеннымъ имя *Варяга?* не отъ Птоломеевыхъ-ли еще *Варгіоновъ* (близъ Рейна) оно распространилось?—это не рѣшено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову.—Древнѣйшее производство *Варяговъ* есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры*: такъ думали еще Стрыйковскій, Герберштейнъ и другіе иностранные Ученые, какъ и у насъ въ прошломъ

вѣкъ (Прим. 54); а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 N 12) ведетъ Варяговъ отъ *Феринговъ*—Кельтическаго сброда на островахъ Фарскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть Ученыхъ имя Варяга производятъ отъ качества или званія. Одни производятъ отъ *Vargus*—изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr*—волкъ (Прим. 17); иные отъ Готскихъ *федератовъ*—союзниковъ, и *ферингаровъ*—защитниковъ, стражей;—отъ *варгангъ*—чужеземець;—отъ *Varech*—и потому разумѣютъ моряковъ;—отъ Нѣмецкаго слова *War*—война; либо отъ Финскаго слова *варъ*—по-Русски *воръ* и разбойникъ: такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли (см. стр. 44) имя Варяга—*ворягою*. Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и принципалъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожила, „предтечи“ Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьютъ*—вооруженный; Бутковъ производитъ отъ Поморско-Словенскаго слова *варянгъ*—мечъ, по которому Варягъ значитъ *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ Императоровъ. Есть производства Варяговъ еще въ другія званія; но довольно и этихъ, для показанія, что всѣ они хотя ни сколько не сходны между собою, но удивительно какъ идутъ къ Варягамъ.—Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ Сѣвернымъ старожиламъ, ихъ первое значеніе въ нашей Исторіи было *вражеское*; потому—исключительно для любителей словопроизводства—прибавляю новую догадку: не значитъ-ли слово *Варягъ* просто *врагъ*, *ворогъ*, а по Сѣверному произношенію *ворагъ*? (Такъ слово *храбрый*, на-пр. въ Пѣсни Игорю и Украинскихъ пѣсняхъ, было—*хоробрый*, а въ Велико-русскихъ пѣсняхъ, сабранныхъ Киршею—*хораб-*

рый).—Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги, подѣ какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги,—они могли такъ-сказать перевести на свой языкъ и *Феринга* и *Варгра* и *Варанга*,—какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла *нѣмоты*; (какъ и теперь наши простолюдины переводятъ экзекутора—*стѣпаторомъ*, дилижансъ—*не-лежанцемъ*; какъ Латинскую *жизненную воду*, *Aqua vitae*, Украинцы передѣлали въ *оковитую!*). Прозваніе *Нормановъ* *ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому, какъ *Куманы* (отъ р. *Кумы?*) почему-то у насъ названы *половцами* т: е: *ловцами* или *охотниками*, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ*, *Половцы* (а не *Пѣловцы* или *Пѣловцы*).—

(34.) Извѣстны сношенія *Изяслава* съ Папою *Григоріемъ VII*, по смерти *Феодосія* въ 1074 г. и письмо Папы къ *Князю* въ 1075 г. Видно, что *Изяславъ* обращался къ *Феодосію* съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замысливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изображеній, для отвращенія *Князя* отъ его намѣреній и утвержденія въ *Православіи*, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ *Преподобный Феодосій*, смѣло и сильно ревновавшій и къ укрощенію уже возникшихъ *усобицъ* *Княжескихъ*.

(35.) Здѣсь въ *Улановъ* обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между *Горцами* *Кавказскими*. Къ числу немногихъ будто — *анахронизмовъ* *Несторовой Лѣтописи*, коими доказыва-

ють, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ, — принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признають зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагають въ XII вѣкѣ (Прим. 14). — Но развѣ слово это могло быть узнано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в., съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ Северозападныхъ, на-примѣръ отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Нестора свидѣтельствуется и Западными того времени писателями, если уже не вѣрять своимъ. Притомъ, для узнанія Кіевлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кіевѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кіевлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Несторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о *Словенизмѣ Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ родъ *Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы), — подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сродства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сродствъ открывается просто!

(36.) *Восточнымъ Царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) Царя Московскаго; въ Великоруссіи-же Русскій Царь величается *Бѣлымъ Царемъ* (какъ и на Востокѣ) и *Православнымъ*.

(37.) Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробнѣе изложено у меня въ изданіи *Украинскихъ народныхъ пѣсень* (Ч. I. 1834 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведен-

ные въ переводѣ стихи о козацкомъ рыцарствѣ составляютъ конецъ прекрасной Украинской Думы (въ изданіи IX-й) объ Иванѣ Коновченкѣ, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсень (№ 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: конь *лыцарскій*.—Принятіе и разпространеніе имени Козака на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.—

(38.) Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Зальскаго.

(39.) „Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40-дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словѣнику за 8 дній.“ (Памятн. Росс. Слов. XII в. 1821).

(40.) Названіе Сѣверныхъ обитателей нашего Отечества Руссами, отъ Иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходъ XII вѣка. Такъ Гельмольдъ повѣствуетъ, что Южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ отъ Востока первые *Руссы* (*Ruzzi*), потомъ *Поляки*, у коихъ на Сѣверъ *Пруссы*.—Такъ въ Привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими Историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новгородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

(41.) Новгородскимъ Лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ*, поставленный *Нифонтомъ*. Сей Священникъ былъ *Іоаннъ*, онъ-жс и Архіепископъ *Ілія*—по предположенію Митрополита *Евгенія* (см. *Ист. Слов. Дух. Пис. Ч. I.*).

(42.) Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ Лѣтописямъ, что Русью или *Русскою Землею* въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или Южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространеніи на Сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевского Юга, положено еще Чеботаревымъ (Пр. 26); но систематически оное развилъ въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія, не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ Лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозреваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслъ, ни въ умыслъ.

(43.) Взятіе Царьгорода Западными Крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ одномъ, 1204-мъ году.

(44.) Слова сія взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ. — Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Немцѣхъ: „Немизъ кровавъ брезъ... посѣяны костыми *Рускихъ сыновъ*.“ — Последнее выраженіе встречается и у Нестора: „Сію бо (Ольгу) хвалятъ *Русіе сынове* яко начальницу; ибо по смерти моляше Бога за Русь.“ — Такимъ образомъ родинное чувство у насъ выражалось понятіемъ сыновства, по которому Пѣвецъ Игоря и Русина называется *Русичемъ*, и Днѣпръ величаетъ *Словутичемъ* (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: *доски безъ князя* (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). „Уже дѣски безъ князя въ моемъ теремѣ златовѣрсьмъ.“ По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ ведущемуся, это *примѣта дурная*.

(45.) Такимъ образомъ и въ Договоръ 1228 г. Смоленскаго Князя Мстислава Давыдовича съ Рнгою и Готскимъ берегомъ—*Русскою Землею* называются волости Князей Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именованъ *Русина* и *Руси* ея жители.

(46.—Къвыраженіямъ, кои на 54 стр. отмѣчены числами 52 и 53.)

„Любящу *Рускій бой*“—выраженіе, находящееся въ Кіевской Лѣтописи подъ 1229 годомъ.

„Душа на Великой, а сердце на Волховъ“—старинная Новгородская пословица, которую—равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія—я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Рускіе въ своихъ пословицахъ*, 1831—1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей—изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *Господиномъ*, но и Псковичи этимъ именованъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск. Ч. I.*

(47.) О Немень, какъ границъ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). Въ *Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ*, написанной 1440 г. Монахомъ Симеономъ (который былъ съ Митрополитомъ Исидоромъ въ Италіи), находится слѣдующее мѣсто: „а кони Митрополичи гнали берегомъ отъ Риги къ Любку на *Руску Землю*, и оттолъ на *Прусскую* землю, и оттолъ на *Поморскую* землю, и оттолъ на *Жунскую* землю, и оттолъ на *Свицкую*, и оттолъ къ Любку.“ (см. *Др. Рус. Вивл.*)

(48.) Въ Вольнской Лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси*.— Въ Червоной Руси или Галиціи

понынѣ удержалось имя *Русина* для народа, языкъ называется *Русскимъ*, и буквы для печати употребляются *Словенскія*.

(49.) *Украиною* Киевская Область называется въ Киев. Лѣт. подъ 1187 г. „О немъ-же (Владимиръ Глѣбовичъ) Украина много постана.“

(50.) Имя *малой Руси* упоминается въ первый разъ 1335 г., въ Грамотѣ Георгія Князя Владимира-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (*Ист. Мал. Рос. Бантыша-Каменскаго*, 1830. Ч. I).—Къ сему-же вѣку принадлежитъ и наименованіе *Великою Русью* Сѣверной Россіи, которая *Русью* называется 1340 г., въ Грамотѣ Симеона Гордаго; Іоаниѣ-же Васильевичъ Грозный титуловался уже *Царемъ и Самодержцемъ всея Руси*.—Вѣроятно къ XIV в. относится и прозваніе *Бѣлой Руси* этимъ именемъ.

(51.) Раскрытіе сего *Русскаго духа* изъ Пѣсни Игорю, представлено во второй статьѣ моей объ этой Пѣсни *относительно ея духа*.

(52. Къ стр. 59.) Такъ Прокопій изъяснялъ названіе и Словенъ *Спорами* (отъ разсѣянія), которое по Шафарику есть измѣненное имя *Сорбовъ* или *Сербовъ*.—Другія подобныя сему словопроизводства Русскаго имени: отъ Греческихъ, Еврейскихъ словъ, приводитъ Герберштейнъ въ началѣ своего сочиненія (*Regum Moscovit.*).—Названіе *Русовъ* производили также отъ *русаго* цвѣта волосъ, каковое объясненіе дѣлали и Византійцы, называвшіе *Руссовъ* одноземцами Ахиллеса.

(52 и 53, къ стр. 54, см. Прим. 46.)

(53. Къ стр. 61.) О Пруссѣ, какъ братъ Кесаря Августа и родоначальникъ Рюрика, давшемъ свое

имя Пруссіи—говорится въ *Степенной Книгѣ*, по мысли и наставленію Митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ Лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ).—Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный Царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ Писателей, кромѣ Князя Хилкова, не признавалъ этой Пруско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ,—и его не повяли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними — и Погодинъ повторилъ (въ *Разсужденіи о происхожденіи Руси*, 1825 г.), будто Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи „положась на свидѣтельство *Степенной Книги о Пруссѣ*.“ Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая Словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ Западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ Западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четвердесятилѣтіе XVIII вѣка) потышалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ жи-

выхъ, своенародныхъ стихій историческихъ, и вкоренилась еще на исходъ XI вѣка, въ Кіевѣ, *Повѣстію Несторовою*, при вліяніи стихіи Византійской; потомъ—въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ Византійскаго свѣта и вѣяніи Западномъ—выросла она въ родословное систематическое древо *Степенной Книги*, покрывшееся широколиственной сѣнью *Никоновской Летописи*; во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась она *Хроникою Софоновича* (1672 г.) и умножилась *Латино-Польскими* прививками *Гизелева Синописа* (1674 г.), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскихъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ—съ одной стороны начался *Ядромъ Россійской Россіи*, (въ Шведскомъ заточеніи Князя Хилкова, въ Вестеросѣ, 1715 г.); съ другой, въ Александро-Невской Семинаріи, изобразился сотнями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ *Зерцаль Историческомъ*, 1748 г. (см. Прим. 54). Наконецъ Русская школа завершилась (1754 г.) плодомъ ученыхъ занятій Исторіей *Ломоносова* (а), его *историческою системою*,—и ею обновленная и возрожденная явилась въ свѣтъ въ началѣ историческаго вѣка Великой Екатерины, въ 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею Старой Русской школы*, среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она—и какъ новая система, XVIII вѣка—есть *старшая Русская школа историческая*.—

Представляя по-возможности полное исчисленіе *мигній о Руси* нашихъ писателей, особенно старинныхъ,—и утверждая, что на Руси въ прежнее вѣка не считали Руссовъ ни Скандинавами вообще, ни Шведами въ-частности, я *небезполезнымъ* считаю сдѣлать здѣсь еще два слѣдующія замѣчанія противъ Шлепера.

1.) Несторъ выводитъ Варяго-Руссовъ не изъ Скандинавіи (какъ утверждалъ Шлецеръ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается первое изъ доказательствъ тожества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важный авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложилась третья новая школа. 2) Доказывая тожество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. сами Рускіе считали рѣшеннымъ дѣломъ, что Варяги (т. е. Руссы) были Шведы. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ *Скарина* извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедмитріевъ, отряженный Новгородцами Архимандритъ *Киприанъ* сильно настаивалъ, что-бы Шведскаго Королевича Карла избрать въ Князя Московскіе и употребилъ такія выраженія: „какъ примѣромъ Древности и Исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новагорода подъ власть Московскую, былъ Князь изъ Шведовъ Рюрикъ...“—Но изъ сего извѣстія о Киприановыхъ словахъ совсѣмъ не слѣдуетъ Шлецероваго заключенія о мнѣніи Рускихъ въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріяна относятся не къ Руси, а единственно къ лицу Рюрика, котораго и Лѣтописцы наши въ среднія времена называли только обще—Княземъ Нѣмецкимъ (см. § 4), подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Прусскій и Норвежскій. Но въ самомъ-лѣдѣль они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай—отъ Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не относится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ *Синописи* и *Зерцалѣ Историческомъ* Рюрикъ также называется Нѣмецкимъ Княземъ; но въ *Зерцалѣ* онъ называется пришельцемъ изъ *Вагри*

(Прим. 54), а Руссы въ обоихъ принимаются за Словенскій народъ.

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріяна о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно—мнѣніе Герасимова. Историкъ Павелъ Ювій, Епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ Книгѣ о посольствѣ Великаго Князя Василя Іоанновича къ Папѣ Клименту VII, пишетъ, что нашему ученому Гонцу Димитрию Герасимову предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ—или въ преданіяхъ отъ предковъ или въ свидѣтельствахъ письменныхъ—памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали Имперію Цесаря и городъ Римъ?—На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: „и Готскаго народа и Тотилы Царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска весьма еще умножились толпай Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія.“—Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣденіе, но изъ словъ его—о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка—видно, что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!—

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую Имперію Ругіаны, и о тѣхъ связяхъ въ какихъ издревле были Ружаны съ Готами Скандинавскими. Правда, что древнихъ Ругіанъ многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Венедовъ); однако были и такіе, которые древнихъ Ругіанъ относили къ

Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ—это еще вопросъ, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

(а.) Въ *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII, — помѣщенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что „по своей Профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно“ (въ Химіи, въ Физикѣ, въ Исторіи, въ Словесныхъ наукахъ). Такъ на пр. въ 1751 г. „онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Приславли, большой Лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда, и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя экскценты или выписки и примѣчанія, числомъ 655 статьи.“ Въ 1752 г. „Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи, читалъ Крапца, Преторія, Мураторія, Лорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Теофана Исповѣдника, Леона Грамматика“... Въ 1753 г. „1.) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2.) Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее повѣстіе имѣть иностранно о дѣяніяхъ Россійскихъ.“ Въ 1754 г. „Сочинилъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рурика“... и т. д.

Вотъ доказательство учености Ломоносова, — не выставленной имъ на показъ, какъ *товаръ-лицемъ*, — вопреки Шлегелю, который, въ пылу своего неудовольствія за непризнание Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ Историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патриотизма!* (прим. 28.). — Если Ломоносовъ и не нагромоздилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлегель подѣ Сводомъ Нестора, — то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *Сводъ Лѣтописей*, но основанную на нихъ *Исторію Русскую*; притомъ-же онъ писалъ за полвѣка до Шлегелюва Свода Нестора, когда не было еще для Русской Исторіи вѣка Екатерины Великой. Говорятъ, критика работаетъ для Историка: но много-ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые Критики — Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный талантъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тмы свѣденій, хотя-бы онъ казался и *фантастическимъ*, какъ Сѣверное Сіяніе изъ мглы и хлада недосыгаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — *грозда свѣденій*, подѣ-которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли! —

(54.) Выше упомянуто (Примѣч. 6 и 33), что подѣ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые Ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ *Вагровъ* или *Вагировъ*. — Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкѣ Елисаветы. Такъ извѣстный со-

трудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Никодимъ Селлій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г.) написалъ Латинскими стихами *Продромъ*, сохранившійся въ Русскомъ стихотворномъ-же переводѣ, подъ именемъ *Зерцала Историческаго Россійскихъ Государей* (а), который 1748 года сдѣланъ известными въ нашей Исторіи лицами *Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ* и *Гавріиломъ Кременецкимъ*, и поднесенъ Государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской Семинаріи. Въ немъ читаете:

„Въ гвта древишедшіе сыны три Княжіе,
Рюрикъ, Труворъ и Синей, вси братья родиме,
Изъ Вагрии въ Русскую вышли Землю званны,
И получали страны жребіемъ метавны.“—

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдатель* 1836 г.) изъяснилъ Венелинъ, въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія*. Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая, что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ Словенъ.— „Несторъ (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: *по тому же морю къ Западу*.“—Но Несторъ говоритъ также: „по сему же морю съдять Варязи съмо ко *Востоку*.“—О мѣстопробываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. §. 5. моего Изслѣдованія.—

(а.) Къ Зерцалу Историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Висл.* Ч. 1, а во 2 изд. въ Ч. XVI—безъ родословныхъ) Амвросій и Гавріилъ приложили отъ себя *три родословныя табели*, для того, что „Генеалогія по сущей правдѣ есть главнѣйшій фундаментъ Россійской Исторіи.“ Я имѣю (отъ Г. Романовича) старинный списокъ въ листъ сего Зерцала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тщаніемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣту является Кіевскій Синописисъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружавинъ *Одоначеръ* (Одоацерь, Одоакръ), побѣдитель Стараго Рима, величается *Славенорусскимъ Княземъ*, какъ и въ Синописисъ, и называется *Одоначеръ*: не есть-ли это настоящее имя сего Витязя, которое измѣнилъ переставкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было-ли онъ сначала *Оттоначеръ*?... Такъ въ именахъ Борисовъ Моровой, Клодовой, Бочарисъ—узлапы Словенскія имена: *Берстинъ*—Шафарикомъ, *Мировой*, *Кладивой*, *Бочаръ*—Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго Царя,

Арабами называемомъ Блатаваръ или Влатавацъ, узнаю Словенское слово *Владавецъ*; такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана *Magi Maguza* видимо—говорять—есть *Море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой Латыни Декартъ называется *Картезіусомъ*!—Къ моей догадкѣ (въ Опытѣ Гипотезы), что *Нарецъ*, *Нарцы* значать нарицателей или именователей (отъ слова—*реку*: *нарцы*—назови, *рци*—словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ чловѣка, какъ и въ именахъ *Словенинъ*, *Словенецъ*, *Словакъ*,—прибавлю здѣсь, что оно измѣнилось потомъ въ *Норецъ*, *Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Нарученикъ*, т. е. Наречникъ, Нареченикъ—каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ Грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *e* перешла въ *o* и *u*, какъ и въ словъ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ*, *рукъ*,—происшедшемъ отъ *реку*, *рекъ*,—какъ и Латинское *fatum* отъ *fari*).

(55.) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными Гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ*, *focus*.—Но Митрополитъ Евгеній даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: „*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской Губерніямъ называется лѣсъ, выжженный для посѣва хлѣба или льна; а земледѣльцы такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*.“—(см. *Ист. Кнѣж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

(56.) Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на Востокъ въ личное имя *Русса*,—какъ дѣлали, то и послѣ Сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса*, *Славяна*, *Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ-героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавал имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло чловѣческой юности; и встарину часто такимъ

образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣеть свой *смысль*,—который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско - историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человечества, какъ *величайшаго человѣка*, на его возрасты, и т. п.

(57.) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ Погодинымъ.

(58.) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ человѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колену *Иафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Нѣмцы.

Такъ называемый *Гиперборейскій* или *Сѣверный* видъ, не есть особый, коренной и самообразный видъ (*species*). Это, такъ сказать, оконечныя на Сѣверъ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго), *Монгольскаго* (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) *видовъ* человѣческаго рода.—Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый *видъ*, но только смѣшеніе на Югъ оконечностей *Кавказскаго*, *Монгольскаго*, *Негрскаго* и даже *Американскаго* видовъ, которые въ Океаніи приобрѣтають общее подобіе.—Такъ Малайцы полуострова Гаугскаго и острововъ Архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на Югъ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на Сѣверъ Якутами,—какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходитъ Бурятами. Въ Гиперборейцовъ и Океанцевъ соединены разныя народы не по давнему и коренному сродству (*affinitas*); но только по ихъ подобію (*analogia*), происшедшему отъ мѣстоети, позвѣйшаго смѣшенія и проч.—

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ Телескопъ 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей Зоологій (приводя мою Систему животныхъ) упоминаеть объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницъ; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ ея нѣтъ на свѣтъ.)

(59.) *Полонинными горами*, въ Повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тирольскія Альпы; вообще-же *Полонинами* у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

(60.) Тацитовъ „*Nemus castum in insula Oceani*“ многіе полагаютъ на островъ Ругенъ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣднѣй лугъ*; ибо у Южныхъ Словенъ лугъ значить тоже что у Латинъ *lucus, nemus*. Такъ и теперь по-Украински *лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубровою; а поемный или заливной лугъ называется *болоньемъ* и *лукою*.—Потому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, на-примѣръ: „Ой не шуми луже, дубровою дуже!“ или „Ой не шуми луже, ты зеленый гаю!“ слышите—*луговой гомонъ* (шумъ, гамъ;). Потому въ нихъ для *луга* постоянный эпитетъ—*темный*, усвояемый часто и *лѣсу*; между тѣмъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіане подъ *лугомъ* разумѣютъ собственно безлѣсный лугъ.—

ОБЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

Большую часть Примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Исслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихся на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ особый предметъ Исторической Науки, и какъ об-

щій историческій вспомогательный запасъ для открытiя *искомой истины*—происхожденiя Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многоразличiе ученыхъ мнѣнiй, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ одну *систему системъ историческихъ*, — какъ поступаетъ на-примѣръ съ философскими и другими системами ихъ *Исторiя*, какъ съ Царствами Природы поступаетъ *Систематика Исторiи Естественной*.

Въ Послѣсловiи я представилъ общее теоретическое сравненiе сихъ мнѣнiй, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленiя: при всемъ настоящемъ ихъ разногласiи, я попытался найти въ ихъ многообразiи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же *искомой истины*, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченiе, къ просвѣтлѣнiю и себя, и общей имъ *искомой истины*. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ*—по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго тѣснѣйшаго соединенiя* многоразличныхъ частныхъ направленiй въ одно направленiе *общей составной силы*, для раскрытiя *искомой истины*,—тѣмъ болѣе, что системы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованiя, обновленiя нашей Древней Исторiи.

Въ Примѣчанiяхъ я уже въ частности представилъ вкратцѣ *Исторiю* сихъ мнѣнiй и *систематическое* распределенiе ихъ въ разряды и школы, съ показанiемъ ихъ признаковъ, по существенному значенiю каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличii. —

Изъ историческаго хода мнѣнiй и предложеннаго

систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе*; каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой,—или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились *воедино*. Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывается и то, что *Словено-Русская школа* (Прим. 55), обновленная въ *системѣ Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть такъ — сказать цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* Сѣвернаго конца и съ *правильно-повременнымъ* *склоненіемъ* обоихъ къ Западу и Востоку: Сѣвернаго—отъ Одера къ Ильмену, Южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на Сѣверъ отъ Новагорода, другая совершенно *наклонилась* на Югъ отъ Кіева.

Потому *Ломоносовская система* способна воспріять въ себя *дѣйствительныя* открытія новыхъ, другъ другу *противоположныхъ* системъ, преобразить оныя въ *новый* видъ, и сама отъ нихъ *развиться* въ историческую систему—*болѣе* *другихъ* *полною* и *совершенную*; между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать от-

крытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ—однѣ при изъясненіи Сѣверныхъ, другія при изъясненіи Южныхъ событій Древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о Древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой зародышъ, для развитія коего тогда недоставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлецера и Эверса. Въ ученое мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси, при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ; но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней, — но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ Историкомъ Русскаго Народа, когда говоритъ онъ, что Исторія не была *удѣломъ* Ломоносова, хвалить только его краснорѣчивое Предисловіе объ Исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ „писалъ по приказанію“. — Вслѣдствіе ощутительной потребности тогда въ Россійской Исторіи, незабвенный Шуваловъ Исторію Петра Великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому Полигистору Вольтеру; а къ сочиненію Исторіи Россіи — Русскій Меценатъ *ободрялъ* ^(а) своего Русскаго Академика, своего ближняго сподвижника въ Просвѣщеніи Россіи — (какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель Словесности на-

(а) См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Января, 1753.

шей былъ ободрямъ отъ Него въ великомъ подвигѣ сочиненія *Исторіи Россійскаго Государства*).

Профессоръ Химіи на катедрѣ и въ лабораторіи Академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ *Физиковъ* своего вѣка, первымъ *Словесникомъ* въ своемъ Отецествѣ — какъ Пѣснотворецъ и Витія, и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: „на смерть взираю равнодушно; я жалью только о томъ что неуспѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы Наукъ и для чести Академіи“.

„Профессоръ Химіи (говоритъ Шлецеръ) сожалѣлся надъ Русскою Исторіей и написалъ — довольно сносное Руководство . . . былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ.“ Но и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго оракула и учителя нашего: о *разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтійскаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго Юга* — я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ, — именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной *Системы о Древнѣйшей Руси*, способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня *во-первыхъ* — чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ Отецествѣ; *во-вторыхъ* — разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положи-

хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ Лѣтописцевъ“. — Напротивъ Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ непокидавшій Русской Лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма, — оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей Лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености, — былъ самый упорный и односторонній Систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ Критикъ-Систематикъ, Шлецеръ пронесся морокомъ въ нашей Исторіи, смутивъ навремя ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю, — которую Карамзинъ покрылъ зеленымъ шелковымъ покровомъ своего творенія — этою свѣтлою, цвѣтущею весною новаго лѣта Исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ новаго года Русской Исторіи, настала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *Исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ „первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ“, по выраженію Пушкина. Съ кончиною Исторіографа (въ 1826 г.) кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской Исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа* — какъ явленіе фазтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ — было главнымъ показателемъ поступленія Русской Исторіи въ поворотный кругъ систематизма, въ первую — общую или созерцательную степень онаго. Полевой требовалъ „Исторіи, созидаемой Философіей, по общей идее челоуѣчества, — очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій, — отвлеченной отъ своего вѣка, своего народа, самаго себя“. Такое требованіе было довершеніемъ наконецъ и въ Исторіи Русской той идеальности, которая первоначально — какъ *Геній чистой Красоты*, съ своей высоты поднебесной — слетѣла къ намъ Поэзіей *Пѣвца во стану*

Русскихъ воиновъ, возвѣстилась его *Лирию*, и разиваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей *Словесности*, подъ конецъ онаго обратилась въ *философское направленіе*. Это направленіе въ *Исторію*, въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: *идеальнымъ построеніемъ Древнѣйшей Русской Исторіи*, по законамъ логической возможности—въ системѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный произволъ критицизма Шлецеровскаго достигъ до *всеобщности и скептическаго отрицанія* нашей Древней Исторіи—въ системѣ Каченовскаго, на основаніи той-же логической возможности и вѣроятія,—хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною цѣлію: достигъ *достоверности и дѣйствительности исторической*. Два явленія эти произошли въ Южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ; но мы видѣли, что и другихъ школъ системы, въ продолженіе послѣдняго, *систематическаго десятилѣтія*, возникли съ разнovidнымъ устремленіемъ ко *всеобщности и всеобъемлемости*, къ *переизслѣдованію и пересозданію исторической дѣйствительности* (6).

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ *Исторіи Карамзина* какъ-бы напомнилъ собою еще прежде названное ею направленіе для нашей *Исторіи*. Въ томъ-же году и *Поэзія* наша—историческою *Поэмою* Пушкина *Полтавою*, и историческимъ *Романомъ* Загоскина—возвѣстила вступленіе *Словесности* нашей въ новый кругъ *самобытности и своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего *вполнѣ-историческаго вѣка*. Вскорѣ за тѣмъ (1830-32) воздвигся *Сводъ Законовъ*, съ погоднымъ

(6.) Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что *довершеніе* предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то время, когда возникаетъ *начало* послѣдующаго: и такимъ образомъ бываетъ современно нѣсколько направленій, и часто старинистуется еще прежнее направленіе въ періодъ новонаставшемъ.

Полнымъ Собраниемъ оныхъ, какъ первый историко-систематическій памятникъ нынѣшняго Царствования, какъ образцовое начало той полной и-положительной Системы, которая довлѣтъ нашей Исторіи! (в).—

Строительный систематизмъ Философіи, съ высоты своего теоретическаго умоначертанія, склоняется къ направленію историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая изыскательность доказываетъ на-дѣль существованіе того направленія, той желанной дѣятельности, о которой замышляютъ системы въ строгихъ своихъ требованіяхъ.— Въ какой мѣрѣ уже сошлись и еще сойдутся эти два направленія: то можно яснѣе видѣть и точнѣе опредѣлить спустя еще одно десятилѣтіе сего втораго полугодія въ *новомъ лѣтѣ* Русской Исторіи. Можемъ сказать только, что необходимо должно быть сліяніе оныхъ въ одно живое и полное *измѣдованіе* всѣхъ подробностей и частныхъ нашей прежней жизни, имѣющее въ виду будущее ихъ соединеніе въ одно стройное цѣлое.— Идеальность философскаго созерцанія обратила насъ къ *самопознанію*; а для него и чрезъ него мы обратились къ *своенародности* и *исторической дѣйствительности*; сама Философія стала искать самопознанія въ Исторіи—какъ въ опытѣ Прошедшаго, въ вѣковѣчной памяти Человѣчества,—въ этой „священной книгѣ народовъ,—въ зеркалѣ ихъ бытія и дѣятельности“,— по выраженію Карамзина. И для Исторіи Русской теперь та рабочая, лѣтняя пора, когда *высшая критика* ея—не отвлекаясь отъ всѣхъ частныхъ направленій, не

(в.) Несомненно мыслей моихъ о народности и положительности въ Поездіи нашей высказалъ я въ изданіи *Малоросс. пѣсенъ*, 1827, и въ изслѣдованіи о *Письмъ Изгору*; а объ современномъ направленіи къ самобытности и своенародности—въ *Рѣчи о Русскомъ Просвѣщеніи*, говоренной въ Московскомъ Университетѣ, 1852 г.

увлекаясь как-нибудь однимъ изъ нихъ— должна собрать ихъ всѣ и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многостороннихъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ,— для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *Исторіи Русской*... „Изъ великаго ихъ множества (говорить Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракъ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣняясь къ Лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины.“—

Въ заключеніе сего общаго Примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обзорнѣе мнѣній о Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и распространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *Старая* или *собственно-Русская*, *Несторо-Ломоносовская* школа, основанная на преданіяхъ опечествленныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельстввахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1.) Опъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый—Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господствомъ проспаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. — Въ седми-вѣковомъ развѣшіи сего періода можно различить слѣдующія спепени:

а.) *Лѣтосказательную* или *Древне-Русскую*—опъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти сподшій.

б.) *Родословную* или *Московскую*—отъ *Макаръевской Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка,—господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.

в.) *Синоптическую* или *Кіевскую*,—*Монашырско-Академическую*,—начашую *Хроникою Софоновича*, 1672 г., и ознаменованную господствомъ *Гизедевскаго Синописа*, напечатаннаго 1674 г.—Вліяніе *Синописа* въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С. Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направленіе *Зерцала Историческаго*, 1748 г.—*Ломоносовъ*, своимъ *Краткимъ Летописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ *Словено-Русской школы*, и *первое лето* *Исторіи Русской*.

2.) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., *Ломоносовъ* положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому періоду* *Словено-Русской школы*, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ криптицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами *Ташищева*, съ 1719 г., и трудами *Байера*, вызваннаго въ Академію Наукъ 1726 г.—*Словено-Русская школа*, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г.,—хотя безъ дальнѣйшаго возвышенія, но за то съ богатою прибылью ошѣ обнародованія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей *Исторіи* есть *старшая историческая школа*.—Ея возобновленіе въ новѣйшемъ или *Систематическомъ* періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ *Морошкина* (Прим. 20) и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

II.—Вторую область мнѣній о Руси составляютъ *новыл мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ*—*Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подѣ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* *Словенства Руси* и разномыслии о ея племени и происхожденіи.

1.) Первый, *Сверный разрядъ* новыхъ мнѣній, принимающей *Русь не-Словенскую Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной спороны—*Академическими Разсужденіями Байера*, съ другою—*критическими Примѣчаніями Ташищева* (составляющими первый томъ его своднаго *Лѣтосказанія*, названнаго *Россійскою Исторіей*).—*Разсужденіе* перваго по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ

увлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ— должна собрать ихъ все и обратить въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многостороннихъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ,— для будущей величавой полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *Истории Русской*... „Изъ великаго ихъ множества (говоритъ Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракъ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣняясь къ Лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины.“—

Въ заключеніе сего общаго Примѣчанія, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній о Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и распространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *Старая* или *собственно-Русская*, *Несторо-Ломоносовская* школа, основанная на преданіяхъ опечесшвенныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.

1.) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый—Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господствомъ просаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. — Въ седми-вѣковомъ развитіи сего періода можно различить слѣдующія степени:

а.) *Лѣтосказательную* или *Древне-Русскую*—отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка,—продолжавшуюся около пяти столѣтій.

Хошя Россіане со Славяны разнаго происхожденія конечно, но ошвращеніе не находшся между ими.— Спришперь ошкуда уроженецъ?“... и ш. д.— По собшвенному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кои около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Словено-Русскій*; по кончинѣ Госшомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ Короля Финляндскаго, Рюрикомъ и его братьсями.— Замѣчу здѣсь и шо, что „Собирашель Записокъ“ первый обраштилъ вниманіе на сравненіе Россійской Ишторіи съ Ишторіями современниковъ Князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы „ушмощрьшь умоначершаніе всякаго вѣка.“ Ломоносовъ указалъ сходштво и различіе исторической жизни Россіи шолько съ жизнью Спарого Рима.—

2.) Вшорой, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-шые годы, въ Московскомъ Университетѣ, лекціями и записками Чебошарева.

а.) Эверсовыми кришическими Изслѣдованіями, сей разрядъ образовался въ *третью новую школу*, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*.— Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ *второй*) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834—35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.

б.) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелина*, принимающемою *исконное* или незапамятное пребываніе въ нашемъ Отечествѣ *Руссовъ*, одноплеменныхъ *Словенамъ*: это переходъ сего разряда къ *Словено-Русской школѣ*, съ Юговосшочной ея стороны.

И шакъ, ошъ *перваго появленія*, Сѣверному разряду мнѣній уже минуло 100, а Южному 50 лѣтъ.—

Конецъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

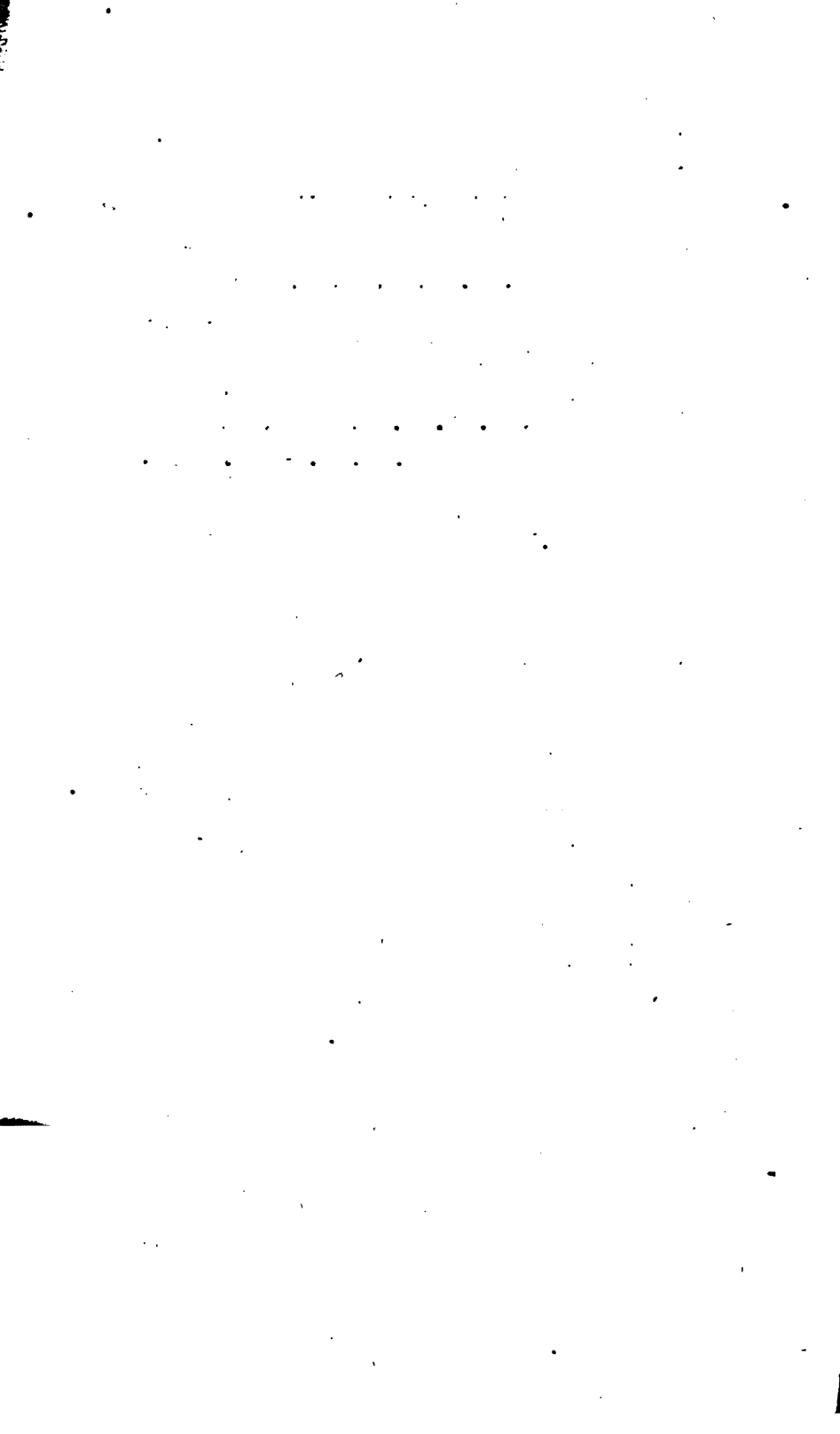
	<i>Стран.</i>
Предисловіе	5.
Изслѣдованіе о Руссахъ и Варягахъ.	9.
Послѣсловіе о разнообразіи и един- ствѣ ученыхъ мнѣній о Руск .	55.
Примѣчанія	81.
Общее Примѣчаніе	134.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

На страницѣ:	Строкъ:	Вмѣсто:	Читайте:
27.	6.	<i>Неметскую</i>	<i>Нѣметскою</i>
43.	20.	концѣ	конць
45.	11.	Югри	Югра
69.	13.	<i>Нарци</i>	<i>Нарци</i>
75.	15.	Одоакръ	Одонарець
77.	3 снизу	открыта	раскрыта
85.	31.	въ два послѣднія	съ послѣдняго
96.	22.	не признаются	и признаются
117.	13.	Торковъ	по имени Торковъ
128.	1 снизу	<i>Вагри</i>	<i>Вагри</i>
130.	14.	эксцентъ	эксценты
139.	3 снизу	отдалъ	и отдалъ

Нѣкоторыя орфографическія несправности въ сей книгѣ Чашшели усмотряшъ сами; относительно-же другихъ погрѣшностей скажу словами Суздальскаго инока Лаврентія:

„Чшише, исправивая Бока-дѣля, а не клениш с!“

111274

~~1006~~
681

100-1-2-6 Sl. sta. Procenta

83

205-06

1.16-1.17-11

49

62-0 entun uferu

74-75

156

DK 71 M34
Otkuda idet rusakala zemlja :
Stanford University Libraries

3 6105 041 441 911

DK
71
M34

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D AUG 10 1996

28D SEP 9 1996

OCT 9 1996

28D NOV - 9 1996

28D DEC - 7 1996

